

18+

ВЯЧЕСЛАВ ЛЕШКОВ

ТОЧКА СТОЛКНОВЕНИЯ

Вячеслав Лешков

Точка столкновения

«Издательские решения»

Лешков В.

Точка столкновения / В. Лешков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834864-8

Очередной мир, где в силу торжества магии невозможен технический прогресс. Человечество разделено, великими Духами создан «человек идеальный», существо получившее название артэон. Возникнув, не сразу, но со временем разумные физически совершенные артэоны воздвигли великую цивилизацию, оставив человечеству удел второсортных угнетенных дикарей. Но грядет кровавая буря, должнаая артэонов локально проучить, показать, что истинные боги в этом мире вовсе не они.

ISBN 978-5-44-834864-8

© Лешков В.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Точка столкновения

Вячеслав Лешков

© Вячеслав Лешков, 2020

ISBN 978-5-4483-4864-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Артэон представляет собой преображенную воплощающую физическое совершенство версию человека. Его душа из аморфной рассеянной в пространстве ауры сжата во вполне реальную крошечную сияющую звездой артэнсферу заточенную в груди. «Запитанные» на энергии артэнсферы, энергии души, тела этих существ были избавлены от обременительных биологических процессов и вытекающих из них физиологических потребностей. Им были чужды болезни, жажда и голод. Расщепляемая полностью потоками энергии в желудках, потребляемая строго в меру еда воспринималась ими лишь как еще одна из форм наслаждения. Их идеальные тела источали ароматы подобно цветам, внешность каждого из них была произведением искусства. Такими их сделали Духи – пришедшие в нашу реальность неведомо откуда богоподобные существа, которые вместо того чтобы занять свое место среди смертных отчего-то предпочли затаиться в тени. Но оказавшись в брэнном мире, эти непровозглашенные боги стали испытывать необходимость в энергетической подпитке, своего рода голод, и как оказалось насытить их могли только специально пожертвованные им души. Так и возникли артэоны – избранные из людей сбившиеся в новый вид, в обмен на физическое совершенство должны жертвовать души своим всемогущим призрачным покровителям.

Монохромный серебристо-серый рабочий кабинет. Из необычного можно отметить только несколько объемистых картин в обрамлении пластикового багета, распределенных по стенам, умиротворяющих пейзажами лесной гущи, пустынным покоем черных океанских далей. Из приоткрытого окна ранним теплым солнечным утром из-за остролистой занавеси двух свивающихся кронами кленов доносится мешанина командных криков и синхронных ударов ботинок сотен марширующих солдат.

– Начнем? – поинтересовалась на вид молодая девушка, черные волосы которой сжаты в конский хвост, свисающий чуть ниже плеч. По артэонам сложно определить возраст. Поскольку старость у них фактически отсутствует, то признаками преклонных лет, да и то не всегда, проступают только идеально белые волосы – артэонская седина и незначительные мимические морщинки. Вот и она, впечатляющая фарфоровой даже белоснежной безупречной кожей во внешней естественной для артэонов красоте своей, тая зрелые черты, о возрасте оставляет лишь догадываться. Одета к слову в повседневный китель штабного коричнево-зеленого цвета, без погон, на молнии, лежащий на утонченном теле как курточка. Стеснившийся на стуле посреди ее кабинета молодой парень с бородкой, явно на днях самостоятельно остриженной у зеркала, не поднимая глаз, тяжело вздохнул. – Я психолог – врач занимающийся излечением внутренних ран, человеческой души, если хотите, – когда подавленный пациент промолчал, добавила она. – И я должна вам помочь, по-другому никак.

– Думаю... в моем случае только излечение души не поможет, – пробубнил парень неподвижный взгляд устремивший куда-то под рабочий стол доктора перед которым сидел.

– Давайте для начала познакомимся. Я Тамара. Приятно познакомиться, – не окрашенные бледного оттенка губы, контрастирующие на фоне угольной чернотой окаймленных бордового цвета глаз, искривились в заинтересованной улыбке.

– Роин... ну вы в курсе... – перевел он грузный взгляд себе на колени.

– Понимаю, что и не представляю, какая жуть после всего пережитого царит у вас внутри. Но жизнь продолжается. Ладно? – лаская слух мягким профессиональным голосом, она не сводила с него пристального взгляда непроницаемых глаз.

– Ладно... – под нажимом кивнув, буркнул он.

– Вы пробывали в... «камере» скажем так, больше недели...

– Я пленник? – игнорируя расслабляющую мягкость сидения занимаемого консольного стула весь съезженный, напряженно вцепившись в локотники, он поднял на нее глаза.

– Нет, официально вы полностью свободны, – отделенная письменным столом со скрипом кожмита она откинулась на спинку офисного кресла, сев нарочито расслабленно, будто собой показывая пример. – Насколько я в курсе, если не считать пары суток проведенных в подвальной коморке, вы живете в комнате специально оборудованной для вас и ни в чем не нуждаетесь?

– Да верно... – кивнул он, глаза опустив, – отдохнул уже, наверное, на всю жизнь вперед.

– Отдохнули значит неплохо, вот только ни с кем не общались. Охранявшие вас солдаты не разговаривали, потому что был дан такой приказ, такая установка. Да именно – дать вам просто отдохнуть. И вот вы оправились немного, пришли в себя, поэтому нужно разобраться, как быть дальше. Сразу оговорюсь – мы понятия не имеем что такое Страна Волка, у нас о вашей загадочной родине имеются весьма туманные обрывочные сведения, так что можем начать наш разговор с этого. Расскажите о своем далеком доме, – деликатно вскрывала она его.

– Ну... м... там холодно, всегда снег, тень, ночь наступает раньше, – бубнил он мрачный и подавленный глядя на пол перед собой.

– Вы там живете окруженные горами, на маленьком островке леса среди каменных стен, всеми забытые, в полной изоляции. Каково это? Ну, в смысле...

– Да нормально, – вдруг начал он, остановив поднятый взгляд в сантиметрах от ее лица. – Только сейчас я понимаю прелесть той жизни, в полной... изоляции, – выдержал он паузу перед непривычным словом, вновь опускаясь взглядом, – но... уже поздно. Когда мир ужасен... ну не идеален, мягко говоря, чем меньше знаешь о нем, тем лучше.

– Ваш народ живет в изоляции не только физической, но и интеллектуальной, получается, не имея реальных знаний о мире? – уточнила она, возвращая деловой вид выпрямившись, руки сплетенные пальцами положив на стол. Он, приподняв плечи, вроде желая изобразить неосведомленность, все же мрачно закивал. – Как устроено ваше общество? В смысле по своей структуре, в социальном плане. Понимаете? – официально общаясь с дикарем, она, можно сказать, прощупывала уровень, на котором должна будет строиться беседа в дальнейшем.

– Ну... это типичный патриархат, скажем так, – обнадежил, даже заметно впечатлил он ее.

– Как пояснили охранявшие вас солдаты – все время своего «заключения» вы читали. Прочли целые сотни книг, так? – наблюдая зажатость, подавленность пациента говорила она максимально мягко и нежно, глядя горящим теплом доброжелательности взглядом.

– Да. Мне сказали, что я могу пожелать чего угодно кроме свободы, и я выбрал книги, – скрестив руки на груди, вдобавок к опущенным глазам он склонил голову вперед. – Ведь я же теперь в гостях у артэонов вроде как. Это было одной из целей моего побега – узнать все о мире, в котором живу. В Стране Волка чтение под запретом, ведь мы должны во всем слушаться жрецов Таргнера – нашего Духа, а для этого нужно быть очень глупыми, – натянул он печальную улыбку. – Когда книги попали мне в руки, и я смог спокойно, свободно их читать, – на вдохе умиротворенно он закрыл глаза, – это было... вернее стало можно сказать самым счастливым моментом моей жизни.

– Как я поняла, до того как попасть к нам вы успели поскитаться по «большому миру» почти два месяца. То есть где-то вначале весны вы перебрались через горы, покинув дом?

– Верно. По тайной тропе, через заснеженную вершину одной из гор.

– Но раз чтение и, следовательно, образование в Стране Волка под запретом, и в большом мире вы недавно, то откуда тогда умеете читать? – в интересе свела она окрашенные черным тоненькие линии бровей.

– Благодаря деду. Он был мешочником – это избранные мои соплеменники, они периодически набирают всякого интересного нашего скарба, литры синецветной настойки и тащат ее

на себе через снега в большой мир. Там меняют на всякие полезные в хозяйстве вещи. Вот он то и принес мне как-то украдкой артэонский букварь, сам за считанные сутки отдыха в гостях у Людей Ворона каким-то чудом обучившийся чтению он тайком научил и меня. Подаренные дедом у меня тайно хранились несколько сборников детских сказок с картинками, которые я зачитал и засмотрел натурально до дыр. Мой отец охотник и порой месяцами пропадал в лесу, и пока его не было, мы с дедом читали. Мама, заставая нас за этим «преступлением» только посмеивалась, поддерживая нашу тайну.

– И, наверное, поэтому вы сейчас здесь? Во всяком случае, это одна из причин, почему вы не захотели быть одним из Людей Волка, – искренне улыбнулась она, с интересом на него глядя.

– Наверное, – натянул он полуулыбку, не поднимая глаз, в то же время, обхватив себя за плечи и будто сильнее сжавшись.

– Что именно вы читали? В «заточении»? – иронизировала она.

– Я так понял, это были школьные учебники для ваших детей, справочники всякие, энциклопедии. История нашего мира, начиная с древних легенд и заканчивая сегодняшними днями. География разумеется. Это забавно... – все также печально улыбнулся он, – покидая дом, я отправлялся в огромный мир, а оказался на изолированном острове, который оказался слишком уж маленьким.

– По мнению многих ученых Преферия это полноценный материк. Новый свет, горделиво воздвигнутый Духом Бауром в центре Северного океана, во избежание проникновения в него окружающего мрака изолированный Стеной Тумана.

– Получившийся вытянутым с севера на юг как огромная сосиска. Вернее разделенным на артэонский север и дикий людской юг, – пробурчав он в недовольстве, а точнее в разочаровании поджал губы.

– Но вам повезло оказаться на севере, – осекла она его, вовне не теряя доброжелательности.

– Большой мир оказался слишком сложным... – был он полон задумчивости. – А я тогда, получается в нем кто? – рассуждал он, не выходя из своей закрытости, не отрывая от пола печальных уставших от жизни глаз.

– Пришелец из пограничья, откуда-то из середины, меж двух миров, – предложила она не всерьез. – Волчьи горы как раз посередине, там, где земли Преферии сужаются. Подобно стенам они делят наш мини-континент на две Половины, можно сказать, защищая наш север от дикого юга людей. Попутно пряча в своем жерле ваш экзотический народ. Нوماков – и не людей и не артэонов, нечто среднее, действительно пограничное.

– В чем именно наше отличие? – не поднимая глаз, в интересе он склонил голову на бок.

– В каждом из артэонов есть частичка Духа, она составляет верхний слой наших арт-энсфер, удерживая их от распада, фактически удерживая душу от освобождения. Дух буквально присутствует в каждом из нас, наши тела в полной его власти. Своим обществом с ним во главе образуя единое целое, мы лишены главного свойства живых организмов – автономности. Самый яркий аспект в плане нашей ограниченности это четко установленная продолжительность наших жизней, например. За редкими исключениями артэоны живут шестьдесят лет с разницей в один два месяца. С самого момента появления на свет в телах мне подобных запускается биологический таймер, отмеряющий существование в этом мире, и как приходит срок организм, скоротечно теряя силы, в течение нескольких дней постепенно перестает функционировать. Ни чувствуя боли но, ощущая, что покидаем этот мир, в итоге мы просто навсегда засыпаем. Артэоны не свободные живые существа, наше общество это не хаотичное объединение индивидов, а четкая выверенная Духом система. Двадцать лет – на детство и юношество, двадцать на создание семьи, продолжение рода и еще двадцать на предсмертный отдых. Все четко, организовано и управляемо Духом, – в полной невозмутимости произнесла она, сво-

ими словами заметно отяготив впечатлительного собеседника. – В то время как представители вашего вида подобно естественным людям, свободны в этом плане и могут доживать до сотни лет, а то и больше.

– В нашей деревне есть старцы, которым за восемьдесят, если не считать древних жрецов. Но до таких лет еще нужно дожить, – выдал он сочувственную улыбку.

– Что красочно пылает должно быстро сгорать, – высказала она с каким-то усталым безразличием, будто в этом вопросе смотрела со стороны. – Нوماки появились исходя из желания Духов дать нам больше свободы, освободить нас от самих себя. И вы от своего Духа полностью свободны. Верхний слой вашей «номосферы» подпитывается дозами номакского эликсира что фактически делает вас зависимым от того кто способен его приготовить, но очевидно это гораздо выгоднее участи живой куклы в руках всесильного кукловода. Хоть и богоподобного, но все же, – высказываясь о Духе в лице она продемонстрировала огонек озорства.

– Там у нас рецепт эликсира знают только жрецы Таргнера, из-за чего мы вынуждены поклоняться перед ними, – произнес он с недовольством.

– Тот аналог, который для вас изготовили наши алхимики, он помогает, все нормально? – в ее глазах проявилась искренняя забота.

– Дозы сваренной нашими жрецами хватало на месяц, а то и на два, а этого «заменителя» от силы на неделю, – посетовал он.

– Было бы неплохо, если бы вы принесли с собою образец.

– Все что мне удалось прихватить с собой, я выпил еще в дороге, – оправдался он.

– Пока могу лишь сказать, что наши ученые стараются, быть может, в будущем они сумеют получить зелье нужной концентрации. Понимаете... – задев щекотливую для себя тему, она озадачилась, желая изъясниться максимально абстрактно. – Официально цивилизация нوماков исчезла тысячи лет назад, рецепт оригинального зелья давно утерян... э-э... Люди-номаки редкость в наше время. Хотя когда-то было наоборот, планировалось заменить всех артэонов на вольных нوماков, но представители вашего вида скажем так, оказались слишком уж свободными, пошли наперекор Духам. Все мы знаем, во что это в итоге вылилось... Ваш Дух надо сказать, очень креативен, раз предпочел поэкспериментировать, отказавшись от «общепринятых сегодня» артэонов.

– Таргнер безумец. Вечномерзлый лес стерегут волки-артэоны, животные артэоны понимаете? Они там местные хранители. По Договору мы должны приносить ему жертву всякий раз как он того потребует. Не раз в полгода как у остальных «нормальных» живущих под Светом Духов обществ, а всякий раз, как только ему захочется, хоть дважды в месяц. Это беспредел. Жертва – мальчик или девочка, без разницы, главное не старше десяти лет. Ребенка указанного жрецами отводят в лес, разуваяют и оставляют одного в круге земли отчищенной от снега, согретой кострами, а потом жертву на куски рвут волки – те самые артэоны. И мой народ заложники всего этого, – на ходу перелаывая себя, теперь смело говорил он о своем Духе не без осадка страха в глазах.

– Все мы дети Духов обременены этим. Жертвоприношение это наша обязанность, наша плата за физическое совершенство, – снизив голос почти до шепота, аккуратно убеждала она его, настраивала на смирение. – Зато нам нет нужды потреблять чужую плоть во имя продолжения жизни, от голода мы свободны. Всем чтобы существовать в этом мире в том или ином виде нужно платить кровью.

– Понятно. Но мне кажется было бы лучше, если бы все мы были просто людьми, одним большим человечеством, – заставил он ее брови дрогнуть в неприятном удивлении.

– Вы просто не видели, как живут дикие люди. – На этой ноте она встала, открыв дверцу одного из отделений шкафа занимавшего стену за ее спиной оставляя места в ней только для окна сбоку; под пристальным вниманием пациента достала оттуда заранее подготовленные два стакана что-то вроде хайбол и пластиковую бутылку. На ярко-красной этикетке желтела над-

пись «лимонад». С хлопком вырвавшихся газов налила себе и ему заманчиво шипящий напиток. Роин щурясь, отпил предложенную брызгающуюся лопающимися на поверхности пузырьками сладкую воду, с удовольствием причмокнув изучающе на наполнение стакана глядя. Испытывая явно новые для себя ощущения, в измученных глазах проявив огонек детской радости, он забавлял специалиста ненавязчиво за ним наблюдающего. – Давайте ближе к сути, – вернувшись в свое кресло, отставив стакан с лимонадом в сторону, продолжала она. – Вы сейчас находитесь в Армидее, золотом городе, понимаете это?

– Да, золотой город, артэонский город-полис одно из главных чудес Преферии, я слышал о нем уже давно, – прокашлявшись после лимонада, пробубнил он, вернувшись в свою мрачную закрытость.

– Пока мы находимся в военной зоне, но там за стеной вас ожидает один из крупнейших артэонских городов не только Преферии, но и всего артэонского мира. Город – государство. Хотите увидеть его изнутри?

– Не знаю... убегая... одной из целей моего побега было увидеть чудеса мира артэонов. Но сейчас...

– Хотите, – настойчиво произнесла она, упершись в него взглядом. – Сейчас вы прибываете во временной угнетенности ввиду не оправдавшихся ожиданий. Вам кажется, что в мире этом больше нечего хотеть и не к чему стремиться, но все это временное, вызванное стрессом... являющееся следом от всего пережитого оставленным внутри, – начав строгим не принимающим возражений тоном, постепенно смягчалась она. – Ваш разум запутался, увяз во всей этой мрачности осевшей внутри. Но истинный вы где-то там, в глубине, еще живы. Тот мальчишка, вырвавшийся из плена Волчьих гор, вопреки всем опасностям отправившийся познать этот мир, он основа вашей сущности, лишь отошедшая на второй план. Вам сейчас нужен лишь повод, зацепка в жизни чтобы внутренне восстать. Что я вам и предлагаю. – Выправив голову не поднимая глаз, отражая внутреннее ею посеянное замешательство, он напряженно задышал. – Армидея, та самая, бесспорно великая, готова вас принять, и она здесь за стеной, в шаге от вас. Загляните внутрь себя и спросите: хотите ли вы отказаться от ее посещения, лишив свою жизнь этого приятного наполнения? Ведь иначе ваш побег, все пережитые в пути мучения окажутся бессмысленными, – видя, что побеждает, причем с легкостью, заиграла она в лице удовлетворенной улыбкой.

– Ну, хорошо, – кивнув, примирился он. – Все равно терять мне уже нечего, – посмотрев на нее отчаянным согласным взглядом, после слома внутреннего сопротивления тяжело дыша.

– У нас строгий карантин, людей к себе просто так мы не пускаем, – приковала она к нему серьезный взгляд, в пальцах руки согнутой в локте сжав ручку-роллер непонятно зачем взятую со стола. – К счастью вы не человек. В физиологическом, биологическом плане вы полностью подобны нам, ваше тело также избавлено от всего животного и мерзкого. Но вот во внутреннем устройстве у артэонов есть серьезное отличие. Опираясь на частицу Духа сокрытую внутри, мы имеем полную власть над своими эмоциями. Внутри нас разум от безумного тела полностью отделен и стоит над ним. В случае необходимости я могу полностью отключить эмоции и смотреть на мир одним лишь разумом, избежав миллионов ошибок, избавив себя от тысяч глупостей. Также в моих силах разумно направлять развитие эмоциональной составляющей: блокировать все негативное, развивая все лучшее. Вы же в этом плане полностью подобны человеку. Эмоции протекают внутри вас с естественной неконтролируемостью и в силу ситуации могут взять над вами полный контроль, полностью затмив разум, что делает вас хаотичным непредсказуемым, то есть опасным для нас. Ведь для нас, во внутреннем мире – за стенами нашего города – гнев и тем более насилие, даже злые мысли неприемлемы ни в каком виде. Понимаете теперь для чего вся эта беседа? Нам нужно убедиться в вашей адекватности и нормальности, – пояснила она ровным деловым тоном, не проронив ни одной эмоции.

– Теперь понимаю, – сглотнул он, стыдливо сжавший в руках стакан на дне которого плескался лимонад, который выпил одним большим глотком.

– Продолжим беседу, хорошо? – смотрела она на него с надеждой. Он, сжимая в руках пустой стакан, понимающе кивнул, не поднимая мрачный взгляд.

– Переходим к главному: почему именно вы сбежали из дома? Какая безысходность, которой не может не быть, заставила вас пойти на этот шаг, отправиться в это опасное странствие, чудом не стоившее жизни?

– Вы правы, – удрученно нарушил он секунды тишины, – Вечномерзлый лес это крохотный островок среди гор, жить там все равно, что быть пленником... К тому же большую часть жизни мы существуем в границах своей единственной деревни, в глубине этих замороженных чащоб... – он смолк едва сдержав: «и лучше бы мне было там и оставаться». – Понятно, причина во мне, это со мной что-то не так. Все остальные мои соплеменники просто жили и живут, занимаясь повседневными хлопотами, для них все нормально... Если говорить как есть то... Мой отец... Стоп, надо начать раньше. Меня, как и полагается, женили в пятнадцать лет, особо ни о чем не спрашивая. Как и всякие молодые мы с ней съехали в крайнюю хату, которую с мужиками заранее облагородили. До появления детей, до становления семьи мы должны были жить в этой ледяной коморке, прежде чем переехать в ее родовой дом, как было условлено. И вот мы поселились в этой халупе и... мне следовало сделать с ней детей, понимаете? Но я так ни разу ее и ни коснулся, – погрузившийся в мучающие темы, вдобавок к мрачности он болезненно нахмурился.

– От роду мне сейчас уже двадцать. Пять лет, целых пять лет я держался. Вам не представить через что мне пришлось пройти за эти годы... Не поймите неправильно, вот сейчас сидя здесь я не понимаю почему был таким идиотом, против чего я бунтовал я не понимаю, сейчас не понимаю. Но там... мне не хотелось видеть своих детей Людми Волка или еще страшнее отдать их в качестве жертв безумному Духу. Да и как это так? Без эмоций, чувств, так же нельзя. Они, наши отцы сами все решают, сводят нас как зверей, главное только чтобы мы размножались, чтобы для Духа был прокорм с запасом... как мне кажется. И вот устав терпеть мой отец сказал, что убьет меня, дабы избавиться от позора, если до лета моя супруга не забеременеет. Да. Я сам виноват... – от взгляда на расстоянии на свое былое поведение, мысли и дела, сейчас его глаза наполнились слезами раскаяния. – Фактически издевался над отцом, сводил его с ума, вот и получил результат. Не знаю, почему я не смог заткнуть все это... весь этот норов и жить как все, делать, что требуют старшие. Но не смог, решил поддаться глупости. Понимаете, в итоге у меня не оказалось выбора, и вот я здесь.

– Меня напрягает ваше отношение к Духу... – проникшаяся непрофессиональным внешне никак не проступающим сочувствием, желая быстрее оставить пациента в покое, спешила она прояснить главное для себя.

– Таргнер безумец, – пальцами отирая слезящиеся глаза, категорично вставил он. – Какой нормальный Дух поселится где-то в каком-то жутком лесу, скует его вечными снегами, вместо артэонов наплодит себе каких-то номаков... вернее артэоны у него есть, но они волки, а не люди.

– Как ни крути Духи сверхразумны, термин «безумец» к этим существам не применим, – снизившись почти до шепота, произнесла она, в ожидании согласия глядя на печальные глаза.

– Я понимаю, вам с Духом повезло, и... мое недовольство не распространяется на всех на них. Я же не дурак чтобы ненавидеть теперь всех Духов, – осознав предъявляемое обвинение, вспыхнул он удивлением во взгляде на нее. – Послушайте, я все понимаю и ведь ничего не прошу. Мне ничего от вас не нужно, – полностью открыто смотрел он ей в глаза. – Я могу просто уйти, отпустите меня и больше никогда не увидите.

– Тише-тише, успокойтесь. Простите, я допустила ошибку, – спешила оправдаться она, выставленной в сторону собеседника рукой на расстоянии как бы прижимая его к креслу, при-

зывая сидеть и не делать лишних движений. Не таящий внутри ни капли зла, он почувствовал себя неловко, хотя бы из-за повывисшегося голоса, вновь опустив глаза и насупившись, только теперь виновато. – Поймите, вам некуда идти. К суровой жизни, что за нашими стенами вы не приспособлены, вы ничего не знаете о нашем «большом мире». Вернуться домой не сможете, да и не захотите. «Где-нибудь там» вы просто умрете, отпустить вас значит убить. А наша разумность обязывает нас вам помочь, – аккуратно с долей сожаления обрисовала она положение вещей.

– Значит я все-таки пленник, в силу вашей разумности, – искажился он умиротворенной улыбкой, получив ответ на главный вопрос.

– Можно сказать и так. Никуда мы вас не отпустим, – она улыбнулась одними губами. – Давайте переходить к самому сложному и заканчивать. Расскажите мне, пожалуйста, подробно, если сможете, обо всем, что приключилось с вами. Обрисуйте ужасы «большого мира», в результате череды которых вы оказались здесь.

– Но мне придется нелестно высказаться о ваших солдатах, – тяжело сглотнув, не желая ее как-то обидеть, предостерег он.

– Понятно. Они защищают нас от внешнего безумия, противопоставляя ему свое... Как военный психолог я прекрасно знаю кем являются наши солдаты за пределами городских стен, поэтому не бойтесь, говорите как есть, – взглядом выражая понимание, приготовилась она слушать.

– Перебравшись через гору, не замерзнув, не разбившись чудом я, спустился в Туманную лощину, что на окраине Страны Ворона, почти у побережья. Там находится забытая остальной вороньей Страной маленькая деревушка Синевел, туда по договоренности спускаются наши мешочники, именно там они обменивают наши товары. Прихватив с собой несколько бутылок синевелной настойки – главного из того что нужно скупщикам, я выторговал себе пару суток отдыха в тепле и перелет на одной из их гигантских птиц. Они согласились отвезти меня до границ своей Страны, чтобы я там не шастал, сообщив, что вглубь Арвлады они не летают. На огромной вороне меня провезли над холмистой страной, высадили у леса за ее пределами с полным рюкзаком провизии, дав карту и объяснив путь. Я долго брел по лесам в северном направлении... Заблудился, само собой. День, наверное, на десятый вышел к дороге... услышал звук приближающегося... каравана? Так, наверное, правильно, как и положено дикарю испугался и бросился бежать, спрятался в кустах... А ведь я... всегда мечтал о том, как окажусь на свободе, увижу то, о чем рассказывал дед – мир наступившей весны. Но добравшись до него, – он горько усмехнулся, – я был так измотан, побывав в шаге от смерти перебираясь через гору, что мне вся эта красота оказалась безразлична. Сидя в темноте, в полном одиночестве, стуча зубами от холода, вместо привычного волчьего воя, слыша хоть и нечастые, но жуткие голоса ваших лесов, прибывая в ужасе, вот только тогда я осознал что натворил.

– Назад дороги нет, вам сейчас нужно думать о том, что делать дальше, – подбадривала она.

– Да понимаю, – согласно кивнув, корящий себя за жизненное безрассудство поджал он губы. – И так... я смотрел на караван из-за кустов. Там были ваши громилы, в золотистых доспехах...

– Бронекастюмах, неудобные тяжелые доспехи это у примитивных людей. Рост каждого из наших солдат не ниже двух метров. Армидею, наше общество в артэонском мире отличает более глубокое вмешательство Духа в естественные процессы. Артэонские социумы подобные нашему в шутку даже называют муравейниками. Аркей наш Дух, вмешиваясь в процесс формирования плода в утробе матери, не только изменяет внешность, делая красоту будущего артэона фактически произведением искусства. Но также анализирует, скажем так, психические основы будущего ребенка заранее распределяя социальные роли. Мальчики способные в будущем выдерживать колоссальные физические и психические нагрузки у нас сразу рождаются

солдатами, получая сильное тело с укрепленными костями, быстро развивающейся мышечной массой. В итоге все они вымахивают в двухметровых, как вы сказали «громил», – на ходу просвещала она его.

– Не знающих жалости.

– Ну а куда деваться – жизнь такая. И так вы увидели военную колонну?

– Да, там шли ваши солдаты, пешком и верхом... вроде бы на конях. Вооруженные копьями длинными щитами они вели множество людей, если судить внешне, а эти... люди, были узниками, пленниками? Одетые в кандалы, скованные одной длинной цепью друг с другом, – с вопросом смотрел он на нее.

– Этапирование. Скорее всего, это были осужденные, перегоняемые в тюрьму.

– Эти осужденные они как понятно обычные люди. Но, мы разве не на артэонском севере, не в стране артэонов Арвлaде? – в непонимании искривил он брови.

– Вы ознакомились с нашей историей, историей Арвлaды? СБК – Страна Белого Камня – первое из преферийских артэонских государств, основанное детьми Духа Баура – создателя Преферии. СБК когда-то давно начала страшную войну, – она замолчала, ожидая поправки от собеседника, но тот был весь во внимании. – Точнее сказать то была не война, а полноценный геноцид, – сама она прояснила, на секунду глаза опустив.

– Да странно, почему вы называете это войной, – поняв ход мысли, пустился он в рассуждение. – Ведь вы фактически подчинили себе магию, за вами стоят Духи, вы превосходите людей во всем. Как я понял. Они дикие, слабые ничего не могут вам противопоставить.

– Так или иначе, в ходе операции «Создание Арвлaды» в процессе молниеносного удара все незначительные очаги людского хаоса на нашей нынешней земле были уничтожены, – ее голос ощутимо охладел. – Силами СБК преферийский север от людей кроваво и жестоко был отчищен. Те несчастные из них, что не были уничтожены, в итоге бежали на юг, а в рамках Северной Половины Преферии была провозглашена артэонская страна Арвлaда, внутри которой сегодня мы можем чувствовать себя в безопасности, гармонично спокойно жить, изолировав всю дикость и животность на юге. «Артэонская страна» вовсе не означает, что здесь живут одни только артэоны. Арвлaда это от того что артэоны здесь прежде всего правят, – разъясняя выдержала она паузу дав переварить озвученную информацию, одновременно следя за реакцией пациента, который не поднимая глаз все также был весь во внимании.

– Так уж повелось что мы артэоны будучи разумными всегда помогали обычным людям если те соглашались на статус «младших братьев». В современном мире люди миллионами живут под нашей защитой и строгим разумным началом. В СБК как в классическом артэонском государстве на десять миллионов артэонов приходится где-то около пятнадцати миллионов людей. В Белокаменной земле обычные люди живут общинами в деревушках, без деления на бедных и богатых, все необходимое для себя добывают, выращивают сами, честным трудом. Артэоны же – воины защитники, творцы культуры живут в белых городах-крепостях, следя за порядком в подконтрольных людских селениях. Наша Армидея возникнув позже, также быстро обзавелась несколькими подконтрольными людскими общинами, вернее лагерями для беженцев которые после установки периметра между преферийскими Половинами обильно хлынули с юга.

Но мы решили поэкспериментировать опять же в благих целях. Отказавшись от стандартных общин, мы разрешили людям торговать, честно зарабатывать своим умом, дав им делиться на бедных и богатых, но строго контролируемо. В итоге вырастив у себя под боком целое людское государство, но находящееся под нашим неусыпным надзором, существующее по четким разумным законам без рабства неравноправия и узаконенного насилия, на заявленных капиталистических основах. Думая, что таким образом сможем их перевоспитать, хотя бы какую-то их часть. В перспективе. Так в центре артэонской Арвлaды и возникла целая людская страна Калиссия, а наша Армидея стала чем-то вроде центра управления всем этим хаосом.

Нас армидейцев сегодня где-то около восьми миллионов, а число граждан Калиссии уже перевалило за десять. И это не считая беженцев нелегалов постоянно тянувшихся с юга, живущих без гражданства, вне статистики. Мы контролируем Калиссию, следим там за порядком, а наши солдаты выполняют функции полицейских, конвоиров, вот их то вы и видели.

– Получается... ваши солдаты, – задумчиво, впитывая новые сведения, продолжал он, – ведущие тех невольников, меня слышали, и я рванул что есть мочи, неся, пока были силы. Где-то в лесной глуши свалился, на снег, который там еще остался, задыхаясь, ожидая смерти от каких-нибудь диких тварей, но как оказалось, я забрел на территорию какого-то тайного бандитского логова. Я услышал шорох, обернулся и получил удар по голове, в себя пришел уже связанным, меня окружали люди... но они были похожи на чудовищ...

– Понятно. Так выглядят наши калисские бандиты. После создания Калиссии наши маги наложили на ее земли локальное проклятие. На подконтрольной нам территории всякий из людей кто совершает тяжкое преступление, занесенное в специальный Кодекс, оказывается проклят. Сделано это было в целях контроля, недопущения ухода от нашего правосудия. Проклятие «гнилой метки» – так оно называется. Каждый осознанный убийца или насильник в землях Калиссии начинает гнить заживо, его кожа дряхлеет, сереет, покрывается морщинами, оспинами, зубы желтеют и в большинстве выпадают, всякая одежда, которую проклятый надевает на себя, за часы становится старой рванью, выцветает на глазах. В центре лба из омертвевшей полти у них образуется черное пятно – та самая метка. Смерд, который они источают, просто неопишем, хотя вы в курсе.

Многие считают такой подход бесчеловечным, но у нас здесь эксперимент – под своим крылом мы пытаемся построить новое людское общество, основанное на принципах разумности законности, фактически свободное, нами лишь курируемое. Без эффективной пенитенциарной системы, поддерживающей порядок среди фактически свободных калисов (граждан Калиссии) нам сейчас не обойтись. Совершив преступление, гниющие заживо преступники, боясь смертной казни чаще всего пускаются в бег, прячутся в лесах. Где сумев удержаться от самоубийства в первые дни, принимая жизнь в проклятой гнилой оболочке, теряют над собой разумный контроль, в определенной мере сходят с ума, полностью деградируют внутренне. Видоизменения их психики действительно поражают. Вырождаясь безумными животными, они часто сбиваются в банды, стаи, как дикие псы. Нападают на фермеров на одиночные возы. Наши подразделения специального назначения бродят по лесам и зачищают подобные бандитские стаи. Попутно зачищают, в процессе охоты на мутантов, которых периодически тоже нужно отыскивать и истреблять, – от ее холодности в этих вопросах ему стало не по себе. – Продолжайте, – когда он задумчиво завис, нежно и спокойно попросила она.

– И вот... допросив, ударив много раз, сильно... поняв, что я никакой ни лазутчик, а просто дурак забредший на их территорию, они стали думать, что со мной делать. Кто-то предлагал превратить меня в раба, сделать своего рода уборщицей в их подземной конуре. Их логово находилось под землей, куда они меня и приволокли. В общем, решая как быть со мной один из этих нелюдей как-то слишком жутко на меня глядя, истекая слюной, предложил меня сожрать. – От воспоминаний тех мгновений его пробрал настоящий ужас. – Подойдя, он обнюхал меня как животное, и понял, что я не человек. Потрепанный всем этим своим «приключением» вопреки жуткому внешнему виду я не источал соответствующего запаха. Приняв меня за артэона, они дико испугались, натурально шарахнулись в стороны, – он посмотрел на доктора, ожидая пояснения.

– Мы артэоны благодаря частице Духа внутри связаны в единое целое. Закрывая глаза, ощущаем друг друга на расстоянии, в случае необходимости можем мысленно обратиться к Духу, который всегда подскажет, где кого найти. Следом за потерявшимся артэоном в их логово неизбежно должны были нагрянуть наши войска, а быть может еще и войска СБК, – предположила она.

– Они стали ждать куратора, меня оттащили в темнушку, держали там пока он не пришел. Он вроде внешне одетый также серо грязно, как и все эти бандиты, в итоге оказался артэоном. Офицером Службы Внешней Разведки СБК, так он мне представился, сразу не тая, – решив быть откровенным, серьезно озадачил он свою собеседницу, которой взглядом решил не докучать, глаза привычно для нынешнего состояния опустив.

– Все сложнее, чем я думала, – взглядом замерев в одной точке, пробормотала она.

– И как же это так? Ведь вы же вроде союзники, Армидея и СБК два преферийских полиса – главные хранители Арвлады, стражники севера и все такое, – Роин произнес с разочарованием, не головы ни глаз не поднимая, не желая слушать бессмысленных оправданий. – Но в суровой действительности их солдат курирует бандитов, орудующих на территории за которую отвечаете вы.

– Спецагент, сотрудник спецслужб, так они правильно зовутся, – поправила доктор, теперь понимая его разочарование. – Мы союзники, да. Остальные артэоны Арвлады живут своего рода племенами, маленькими городками, от них мало толка. Только наши армии – СБК и Армидеи – фактически стерегут периметр, держат границу с диким югом. Но имеет место политика, где вопреки официозу в действительности и между союзниками бывают разногласия. Союзническое противостояние. СБК своими силами создали Арвладу, отчистили Северную Половину от людей, в то время когда Армидея была маленьким беззащитным племенем, не имеющим даже названия. Став сильнее, окрепнув, мы обзавелись собственным видением будущего, решили поэкспериментировать: отказались от системы общин, создали Калиссию – полноценную людскую страну, и это здесь в Арвладе, построенной на людской крови. СБК естественно против этого, они требуют, чтобы мы прекратили все эти эксперименты. Но мы не соглашаемся, отстаиваем свои интересы. Потому как пытаемся создать новое людское общество, капиталистическое, свободное, чтобы его идеи потекли на юг, совершили там революцию.

– Думаете это правильно? – теперь он попытался понять ее, приковав робкое внимание к лицу.

– Сейчас неважно, что я думаю, – в нерушимой невозмутимости быстро вернула она его на место пациента. – Очевидно, было бы проще, если мы делали все по заветам предков, не экспериментируя над людьми, не создавая лишнего напряжения. Но не все так просто как кажется со стороны. На данный момент мы продолжаем стоять на своем, продолжаем «биться» за нашу Калиссию. Теряя солдат в постоянных стычках с гнилыми бандитами, и просто в попытках навести порядок на улицах этих быстро растущих калисских городов. СБК нами недовольные, не в силах нас остановить тихонечко «по-партнерски» нам гадят за кулисами: силами своих спецслужб курируя лесных бандитов подбивая их на теракты, организуя и поддерживая беспорядки и восстания против нашей власти особенно в Южной Калиссии. Ну и что еще вам сказал тот куратор?

– Побеседовав, узнав, кто я и откуда, он сказал, что прямо сразу отпустить меня не может. Предложил побыть уборщицей, временным рабом пока они не сделают какую-то там свою работу. Пообещав, что когда все закончится, все разбегутся, бросив это временное пристанище, он отведет меня в Белокаменные земли. Где если захочу я смогу жить среди подконтрольных им людей в одной из их деревень, смогу получить образование и если буду вести себя хорошо, то когда-нибудь может даже смогу поселиться среди них, среди белокаменных артэонов. Деваться мне все равно было некуда, смилившийся со смертью, уже ни о чем не мечтающий я естественно согласился.

– Он выглядел вменяемо, адекватно?

– Тот артэон? Да нет, в той жуткой атмосфере он выглядел как чудовище. Это все странно, – на губах Роина прорезалась растерянная улыбка. – Двигаясь на север, я ожидал увидеть мир разумных прекрасных артэонов готовых поделиться со мной своими знаниями, но стал свидетелем какого-то сумасброда.

– Потом подоспели наши, сотрясли артиллерией это подземное логово, пошли на штурм и обнаружили вас?

– Да, веревки, которыми были стянуты мои запястья, сменили на оковы, как он пояснил: на всякий случай, чтобы мне в голову всякие глупые мысли не приходили. И какое-то время я, получается, проработал там. Смотрел за огнем, готовил еду, так по хозяйству «шуршал». Только этот, которого в шутку называли Людоед, периодически приставал ко мне, ударил несколько раз ни за что, а так все было нормально, только сыро и темно. Потом будто случилось землетрясение, это начали стрелять ваши, мы погасили весь свет, но они все равно вошли, все обыскали, всех убили. Я спрятался и... меня нашел ваш громила... потом другой, увидев на мне цепи, поняв, что я пленник потащил меня наверх. От маленькой хижины, которой наверху венчалось наше подземное укрытие, остались только дымящиеся руины, удивительно, что вся эта подземная нора не осыпалась. Там же в куче трупов сваленных у входа лежало распоротое тело того куратора, артэона из СБК истекающее кровью...

– Это война, только негласная, неофициальная, – пояснила она с долей сожаления. – Нам и СБК тесно в этой маленькой Преферии. СБК конечно старше, они создали Арвладу и все такое, но мы уже не лесное мирное племя, мы сильны и у нас тоже есть свои интересы. И потом наши бойцы привезли вас сюда, в Армидею?

– Сначала меня привели в какую-то стоянку военных.

– Военную базу.

– Там ваш маг я так понял, просмотрел мою память, убедился в моем рассказе, но допросы на этом не прекратились. Ожидая за дверью, я слышал разговор и предложения о том, что меня проще убить и замять все это дело. В целом ваши солдаты вели себя, мягко говоря, ни как разумные артэоны...

– Это понятно, – жалела она его взглядом.

– Некоторые из них едва ли не рычали. Как-то в клетку, в которой меня держали, ворвался один из них и избил меня... нормально так. Главное не поломал ничего, – внутренне сжавшийся, чуть приподняв склоненную голову но, не поднимая глаз Роин, натянул печальную улыбку, говорящую, что все хорошо. – Тот безумец кричал, что была бы его воля, он удавил бы меня голыми руками, и что я должен быть благодарен судьбе и его начальству за сохранение жизни. Он не был пьян, алкоголь он же сразу чувствует. Но трезвым его назвать было нельзя, он находился в каком-то странном пугающем состоянии, его глаза...

– И это все возмущение, которое вы хотели высказать в адрес наших солдат?

– Да, у меня все, – замолчал он затравленный и зажатый уже достаточно погружившийся в страшные подробности пережитого, далее отягощать которыми милого с виду доктора не имея никакого желания.

– После всего пережитого вы совсем не испытываете гнева, ненависти, наоборот внутренне вы странно даже пассивно спокойны. Я так понимаю вы в действительности, вообще по жизни всегда такой: задумчиво размеренный. Думаю, наша беседа завершена, во всем, в чем нужно я убедилась, – расплылась она в радушной улыбке. – Сегодня-завтра мы соберем комиссию, определимся с вами. В случае положительного решения вы получите возможность свободно пройти в наш город и если захотите, то остаться у нас навсегда. Как вам такое предложение? – удовлетворением от перспективы спасения жизни пациента засияла она в глазах.

– Ну, давайте, попробуем, – пробурчал он, стеснительно улыбнувшись. – Выбора у меня нет.

Попросив подождать немного она, придвинула по столу массивную папку в красном картонном переплете, принявшись быстро заполнять содержащиеся в ней необходимые бланки. Он не поднимая глаз, ожидая на стуле, погрузился в свой закрывшийся от окружающих мирок. – Сегодня я как понял, возвращаюсь в свою «камеру». И жду вашего решения? – решил

прояснить он, ожив поднявшийся, чтобы поставить на край ее стола пустой после лимонада стакан.

– Да, пока да, – оторвалась она от заполняемых бумаг. – Видите ли вы стали свидетелем множества «неприятных моментов» скажем так. Беспечность гармонии своего общества мы храним нерушимо. Большинство наших обычных жителей понятия не имеют об ужасах и сложностях творящихся в жестоком внешнем мире, для их цивилизных умов все это должно оставаться чуждым. И если вы хотите в качестве гостя для начала войти за наши стены, то должны будете подписать ряд бумаг... вырисовать свое имя в тех графах, на которые я укажу. Таким образом, взяв на себя обязательство по сохранению в тайне всех подробностей своих «приключений» по пути к нам. Можете говорить и рассказывать о своем доме, природе севера Префекрии, о чем угодно, но ни слова о деятельности наших солдат во время исполнения обязанностей и тонкостях наших взаимоотношений с СБК. Иначе будете подвергнуты изгнанию, а быть может и заточению в одной из калисских тюрем, если натворите что-то серьезное, причините зло кому-то из наших беззащитных жителей. Пожалуйста, прошу понять нас, мы вынуждены скрывать вас такими условиями, – уперлась она в него взглядом, тщательно следя за лицом.

– Хорошо, ладно, – абсолютно спокойно, в каком-то безразличии пассивности по отношению к своей судьбе буркнул он, не нарушая внешней мрачности.

– Большое вам спасибо, – с приятным впечатлением на него глядя, поблагодарила она за бесконфликтность. – При любом раскладе вам будет назначен испытательный срок, пожалуйста, не забываете – в плане эмоций вы хаотичны и полностью подобны человеку. Наши соответствующие службы будут вынуждены пристально следить за вами, пожалуйста, имейте это в виду, – предупредила она с долей сожаления. Роин дождавшись, впервые вырисовал неровными буквами свое имя в указанных ею строках нескольких документов, и нажатием кнопки звонка под столешницей своей рабочей зоны она вызвала солдата дежурящего за дверьми. Двухметровый громила в золотистой стальной броне, войдя, кивком головы показал Роину на выход.

Снова оказавшись в своей камере, в которую был переоборудован мало задействованный кабинет штабного корпуса одного из множества полков армидейской пехоты; для вида попробовав очередные вкусности, принесенные на ужин, мрачно застыл он, глядя в открытое окно, думая над своей жизнью. За окном с высоты третьего этажа пресекая просторный плац, взгляд упирался в фасад пятиэтажной казармы, подобно вмещающему его камеру зданию штаба уже покинутой днем наполнявшими ее жизнью военнослужащими. В свете уже загоревшихся фонарей еще слабо осязаемым в лучах заходящего солнца территория военных гарнизонов замерла в обманчивой полной пустоте и вполне реальной полной тишине.

Царящее на улице тепло вступившей в свой последний месяц весны, тепло уже дышащее летом, жизнью, против воли согревало ненавистную ему сейчас часть противоречивой сущности, прорезая спазмами волнения позабытое сердце. Что-то неосознанное жизнь во внутренних недрах олицетворяющее, сохранившееся вопреки всему, получив спасительную соломинку надежды в свете сегодняшнего разговора с Тamarой, безвозвратно пробудилось. Одновременно идя на конфликт с самим собой, разумно себя он видел полным идиотом, поддавшимся уловкам миловидной артэонки в лице доктора. «Нужно было настоять на своем, нужно было добиться освобождения или смерти. Пусть убивают, если не хотят отпускать» – внутренне сокрушался он. Эмоции и чувства его внутри были будто свалены в бессмысленную омертвленную грудку, на фоне которой все окружающее инертно воспринималось в серых темных тонах. В таких условиях царящий в эмоциональных недрах всепоглощающий мрак вполне устраивал, ведь осознанно в продолжении жизни смысла он не видел. И пока был соответствующий настрой, хотелось только быстрее сгинуть. Но что-то рвущееся изнутри, становящееся сильнее с каждым вдохом благоухания пылающей весны неизбежно разрушало внутренние черные оковы. Понимая, что ставшее спасительным так полюбившееся внутреннее забвение безна-

дежно подорвано, себя проклиная и называя дураком, компромиссом он решил просто попробовать. Отправиться по течению дальше раз оно снова куда-то потекло.

Следующим днем спустя час после утренней прогулки проходящей под наблюдением пары армидейских здоровяков в уютном цветнике за зданием штабного корпуса его приютившего, в дверь «камеры» где он обитал, непривычно постучались. Вслед за стуком щелкнув замком двери с внешней стороны, Тамара, войдя с улыбкой поздоровавшаяся, поинтересовалась о настроении, самочувствии. С ее слов ей удалось убедить военных коллег отвечающих за внутреннюю безопасность и Роину разрешили пройти безо всяких ограничений, но в случае малейшего нарушения так называемой «внутренней идиллии» его безоговорочно ждало изгнание, не говоря уже об ответственности за серьезное правонарушение. Роин в присутствии доктора внутренне снова сжавшийся, голову и глаза опустивший, отблагодарил ее за заботу, все понимая, и естественно не имея никаких возражений против предложенных условий. Тогда Тамара, сдержанно улыбнувшись без оскала, на полную открыла входную дверь комнаты, со словами: «Давай заходи».

Тяжелой внезапностью ударив по сердцу побитого жизнью гостя по ту сторону дверного проема ожидала красавица-артэонка явственной свежестью кожи девственной гладкостью черт лица точно говорящая о своей молодости, с первого взгляда шокирующая мрачностью внешнего вида. Точеную фигуру облегает платье-рубашка из черного шифона на безукоризненной талии поджатое декоративным кожаным ремешком. Оставляя рубашечный ворот лежать на плечах верхние несколько гагатовых пуговицек расстегнуты, образуя своего рода декольте. Внизу линия пуговиц обрывается у основания бедер, оставляя свободную ровную полупрозрачную юбку до щиколоток, под которой видны стройные ноги, несмотря на жару облаченные в плотные чулки. В качестве обуви гражданская вариация тяжелых армейских ботинок на плотной шнуровке, дополненная каблуками. Просторные рукава ее платья чуть ниже локтя сжимаются в декоративные подвернутые манжеты, кисти облачены в тканевые легкие перчатки, опять же странно смотрящиеся на фоне уже летнего тепла. Под черным покровом облачения скрыта перенятая от матери белоснежная, какая-то чуждая жизни под светом солнца кожа. Цвета ночного мрака волосы сжаты в каре вогнутыми у кончиков локонами чуть спускающееся ниже подбородка. Карминовые, с непривычки травмирующие мужское сердце глаза, в насыщенном под стать образу черном ореоле накрашенных ресниц, контрастирующем на фоне белизны лица, в осознании нелепости всей этой ситуации дополняя неловкую улыбку опущены в пол. Темным силуэтом, не поднимая глаз в вежливой скованности, она немедленно переступила через порог, дав гостю себя рассмотреть.

– Роин знакомься это моя дочь Кристина, – придерживая дверь, Тамара представила входящую мрачную красавицу. С упреком глянув на мать все это организовавшую, обменявшись с ней сдержанными улыбками, пройдя почти до середины небольшой комнатки, которую бегло окинув глазами, остановила она взгляд на явно перепуганном неожиданностью ее появления Роине, которому похоже уже одного ее образа было достаточно. Из-за внешнего сходства родство двух к стенке его прижавших черноволосых белоснежек было очевидно, вот только будучи артэонками они скорее походили на сестер младшую и старшую.

– Ну, привет! – окинув его посмеивающимся взглядом с ног до головы, оценив, уверенным твердым тоном бросила вошедшая темная богиня, принеся с собой резкий аромат на первом плане вишни, растворяющейся в пряных фимиимах в которых угадывались нотки бергамота.

– П... Приятно познакомиться, – весь напрягшийся и заметно напуганный выдавил он, после секундного взгляда в лицо мрачной артэонской красавицы безвозвратно глаза уронивший в пол, практически вплотную спиной прижавшийся к стене сбоку от открытого окна.

– Мне тоже, – при изучении его взглядом скрасив слова улыбкой окрашенных тяжелым аспидным цветом губ обведенных черною каймою, Кристина привычно поставила руки

на пояс. Пока Роин, уйдя в себя, склонив голову к стенке прижатый, стал чем-то вроде мебели, дополнением интерьера, она свободно оглядывала комнату, в которой известно для нее вот уже более десятка дней проводил фактическое заточение гость. Пара шкафов, письменный стол с остатками завтрака и небольшая кровать на тумбочке возле которой лежали несколько книг, растянулись вдоль боковых стен. Все серое рабочее безликое и, разумеется, отмеченное инвентарными номерами, ее, не представляющую как можно жить в этих угрюмых стенах оттолкнувшее.

– Не нервничай Рой, мы же ведь теперь друзья, – беззвучным закрытием двери изолировав весь остальной мир по ту ее сторону, встав в паре шагов позади дочери, ласково и с заботой произнесла Тамара, переживая за него во взгляде. Застывший в мрачной неподвижности Роин не поднимая головы, кивнул ради приличия. – Давай, помоги мне, – шепнула она Кристине. На мать с вопросом обернувшаяся, по ее печальному обеспокоенному взгляду поняв, что все серьезно совсем по-другому она посмотрела на представшего нового друга. Разумным взором увидев провалившегося в настоящий ступор серьезно угнетенного бедолагу, сердцем восприняв затерявшегося в жизни молодого и даже симпатичного парня явно нуждающегося в помощи.

– Мне двадцать лет, как и тебе Роин, – в полной серьезности тихо заговорила Кристина, во взгляде отражая проникновение сочувствием, – теоретически наши интересы совпадают. Мама предложила, и я согласилась стать своего рода твоим гидом. Проводником по нашему городу. Идем, просто погуляем, погуляем по нашим улицам. Повеселимся, отдохнем немного. После заточения в этой камере тебе, по-моему, просто необходимо развеяться, – аккуратно с прорезающейся робкой улыбкой предложила Кристина. Не наблюдая ответной реакции на протяжении нескольких секунд, убрав улыбку с губ мрачная красавица, не отрывая от него глаз, тяжело с непониманием вздохнула. – Роин? – попробовала она еще раз, все также безрезультатно. Почувствовав руку на плече, обернувшись, в ответ на омраченный взгляд матери в незнании как быть пожав плечами она оказалась сжата в материнских объятиях. – Спасибо что пришла... Но кажется это было лишним, – прижимая ее к себе, тихо прошептала Тамара. В то время как где-то позади них у окна комнаты Роин спрятавшийся в комфортном своем ступоре вдруг напряженно задышал. Под выступающим лбом опущенной головы глаза его пришли в судорожное движение под грузом неудобства из-за самого себя. В итоге взглядом полным недовольства застыв в полу перед собой, себя к чему-то невыносимому невозможному он все-таки принудил.

– Но я же одет непонятно во что... мне нужно как-то подготовиться, омыться... – вдруг пробубнив, приятно удивил он двух погрузневших из-за него красавиц.

– Побриться бы тебе не мешало. Ты же молодой парень нафиг тебе на лице эта растительность? – ответно обернувшись, остающаяся в материнских объятиях Кристина не в силах оставить его бороду без внимания, Тамару рассмешила. Подавая признаки жизни Роин, не поднимая головы, задумчиво нахмурил брови, рукой проведя по привычной лицевой растительности, которая оказывается теперь лишняя.

– Тише! Не надо так резко, – смеясь, Тамара шепотом тормозила дочь, позади которой стояла, в облегчении и успокоении опустив подбородок ей на плечо.

– Кстати что это на нем? – окончательно разрушая мрачную атмосферу, озадачилась Кристина, указывая на блеклые безвкусные вещи, повисшие на Роине. Естественный голос ее, не теряющий женской мягкости, явственно отдавал четким командным тоном.

– Это принесли волонтеры, чья-то обычная домашняя одежда, – выйдя из-за спины дочери, пристроившись с ней рядом, с улыбкой пояснила Тамара. Спокойно и нежно на фоне тембра Кристины звучал ее в нотках похожий голос.

– Волонтерам было под шестьдесят? – иронически удивлялась Кристина, глядя на прижавшуюся сбоку мать.

– Ой, не надо про внешний вид, – позабыв про Роина устало скривилась Тамара, – на себя сначала посмотри, – в этом плане не упрекнуть дочь она не могла. Ненадолго избавленный от двух отягощающих взглядов, внезапно увлекшихся друг другом Роин, с интересом глянув на ими обладающих красавиц, позволил себе что-то вроде теплой улыбки.

– Ну как идем гулять? – после обмена смеющимися взглядами с матерью уже обыденно «по-взрослому» к нему обратилась Кристина, вновь заставив его соорудить безразличную уставшую мину, опустить голову и чуть вжать ее в плечи.

– Мне нужно привести себя в порядок, я ну... не могу вот так просто пойти туда... гулять, – пробубнил он, бегая глазами под вперед поданным лбом. – Я не против, просто нужно было предупредить заранее. Давайте вы придете завтра или хотя бы вечером? – прокашлявшись, ответил он непривычным нормальным тоном в надежде на понимание, даже посмотрев Тамаре в глаза, хоть и ненадолго. Видимо в силу подсознательного восприятия разницы в возрасте и дистанцированности статусом, Роин не испытывал проблем в том чтобы посмотреть на красавицу доктора, в то время как взглянуть на экстравагантную Кристину ему строго запрещало содрогающееся в страхе сердце.

– Правда Кристиночка, Рой прав, – вынужденно признала Тамара. Все в той же военной форме, и даже ростом от своей дочери не отличающаяся, с таким же обильным макияжем глаз, сегодня правда она распустила волосы, ниспадающие до живота.

– Мама! – возразила Кристина. – Рой нормальный парень и с ним все нормально, неужели ты не видишь? Он просто зажался в своей скорлупе, из которой его нужно просто вытянуть, – пыталась убедить осторожничающую мать Кристина, четко улавливающая суть – у Роина не было никаких глубинных внутренних проблем, требующих лечения, особого подхода. Главной его проблемой в первую очередь было собственное безразличие к жизни, в вопросе лечения которого психотерапия была бессильна.

– В «скорлупе»? Ты значит теперь у нас психолог? – знаком недовольства приподняв брови, высказала ей Тамара.

– В этой жизни нужно все делать резко спонтанно, ведь только так можно получить максимум удовольствий и впечатлений. Чем дольше готовишься, тем больше горишь, тем более серым и убогим все в итоге получается. Роин дорогой мой, – придавила его своим нелегким взглядом Кристина, – а ты что думал, кого ждал? Думал за тобой придет что-то вроде скучного чиновника из какого-нибудь министерства, который поведет тебя на официальную занудную экскурсию?

– Наверное, да, – буркнув в замешательстве после секундного раздумья, собой он рассмешил Кристину. – К такому, – задержав дыхание перед самым страшным шагом в жизни, заставил он себя ответно взглянуть в огненно-пурпурные бриллианты ее глаз, облив сердце кровью и заметно побледнев, – я был явно не готов.

– Ну все, хватит Роин, пожалуйста не глупи, идем, просто погуляем, – прекрасно понимая, кто перед ней под «скорлупой» поэтому, сияя белоснежной улыбкой в черно-аспидном нежном обрамлении, отрывая от земли своим ароматом, подходя, взяв за руку, она просто поволокла его за собой. Приятному его отрешению от мира казалось, ставшему естественным, в мгновение пришел конец как-то слишком резко грубо и бесповоротно. Тамара растерянно смотрела на перепуганного смятенного Роина в непонимании, что происходит беспомощно отдавшегося воле ее напористой дочери. «Я, конечно, предупреждала, что не следует относиться к Рою как к больному, но не до такой же степени!» – при виде, что творит дочь, пронеслось в голове Тамары. – Под твою ответственность! – когда все случилось как-то слишком быстро и неожиданно, предостерегла она напоследок Кристину, когда та, волоча за собой Роина, покинув комнату, уже шагала по коридору. Роин был среднего роста, и его будущий гид вопреки женской утонченности в этом плане от него не отстающий, с легкостью тянула за руку его безвольное ошеломленное тело.

На лестнице Роин вслед за растерянностью непониманием возмущился, попытавшись вырваться, сказав, что не маленький и может идти сам. – Да, пожалуйста, – легко согласилась Кристина, отпустив его руку и решивший покапризничать, хоть как-то проявить возмущение Роин почувствовал себя неловко на фоне положительно настроенной новой подруги. – Так ты идешь? – обернувшись на лестничной площадке, мягко обратилась Кристина к нему насупившемуся посреди пролета. Не зная как быть и что делать, в безысходности Роин поплелся следом за ней скрытно над ним хихикающей.

Ничем не огражденный солнечный свет не по расписанию, тепло с отголоском слабого дуновения ветерка внутри отразились невыразимым удовольствием. Приятно оказавшись на свободе хоть и после гуманного, но все-таки плена Роин остановился посреди лестницы, ведущей с крыльца, подняв голову, уставился в безоблачное небо, с которым будто поздоровался, с лица при всем при этом, не убирая страдальческого безрадостного вида. Решив ему не мешать, Кристина двинулась вперед. На лавке у крыльца здания оставленного штаба их ждал парень двухметрового роста, здоровенный как шкаф. Светлые волосы, чуть выступающий подбородок на юном лице, таящие нечто невыносимо тяжелое добрые глаза. Бриджи цвета хаки с обилием карманов, белые кроссовки и аналогичного с ними цвета мешковатая футболка. Из-под края рукавов футболки виднеются завершения вытатуированного узора, которым исписано его мощное тело. Кинувшись к нему, сочно чмокнувшись губами, оставшаяся в объятиях крепких как сталь ручищ, вдруг ставшая такой хрупкой, миниатюрной, развернувшись лицом к плетущемуся опустив голову Роину, Кристина представила любимого здоровяка как Джейсона, своего парня.

Он, заранее проинструктированный, знающий о негативном опыте общения Роина с подобными ему местными военнослужащими, наблюдая подавленное состояние теперь гостя их мира, в выражении сожаления взаимно опустив глаза, тихонько сказал «привет». – Привет, – не затягивая с ответом, с опущенными глазами и понуренной головой, в необходимом приличии буркнул Роин. Следуя от крыльца, за пару мгновений поднятых глаз сумев рассмотреть парня Кристины, по габаритам поняв, что это местный солдат, он растерялся, даже испугался, чувствуя, как черные оковы снова сжимают все внутри. Ведь для полноты образа с первого взгляда этому грузному здоровяку не хватало только положенной брони, чтобы получилось одно из тех безжалостных чудовищ, что после всего произошедшего стали Рою нетерпимы.

– Я военнослужащий, – стоя за спиной Кристины, любовно обхватив которую, в неловкости проговаривал Джейсон. – Сейчас отдыхаю после нескольких месяцев командировки, так что... сейчас я просто артэон, такой же, как все и... – не знал он, что еще сказать, как оправдаться. Хотя Роин снова сжавшийся внутри внешне никакого оправдания и не требовал, не поднимая головы кивая его словам.

– Рой, – взяла слово Кристина, серьезно на него глядя. – Ты же видел безумный мир нас окружающий, знаешь, насколько он жесток, сколько вмещает зла. Наши солдаты, защищая нас от него, вынуждены быть чудовищами, потому что только так они могут делать свою работу. Тебе к несчастью не посчастливилось столкнуться с ними там, во время исполнения обязанностей. Но сейчас это все позади, осталось где-то там вовне. У нас, что происходит вовне, за стенами нашей обители – там и остается, на обычную жизнь не распространяясь. И Джейсон сейчас не имеет ничего общего с теми чудовищами, что причинили тебе боль. Он... – вызывая к пониманию зашедшая в запретные темы, она себя остановила, вопреки очевидному желанию все нормально объяснить.

– Я слышал Роин, что произошло с тобой, и прошу от лица всех своих коллег прощения, – спасительно прижимая к себе спиной Кристину не желая ее из своих объятий выпускать, заговорил Джейсон, понизив тон. – Мы вынужденно делаем свою работу, которая нам самим отвратна. Просто там вовне пришедший непонятно откуда ты был бесправным бродя-

гой, но теперь ты среди нас, один из нас, нам во всем равный. Теперь тебе бояться нечего, теперь мы твои защитники тоже. А за все, что было я, могу только попросить прощение...

– Это было недоразумение, – добавила Кристина.

– Ты лично ни в чем не виноват... Джейсон. Не надо извиняться, – выпрямив голову и посмотрев здоровяку в лицо, поняв, что ранее его не видел, и в целом не таящий гнева ненависти, движимый внутренней рассудительностью, нормальным тоном отражающим понимание ответил Роин, сразу, как только стало возможным, глаза уведя в сторону. – Это вы меня простите за мое нынешнее состояние. Я все понимаю, но не могу вот так сразу из него выйти, – вновь голову повесив, сказал он, на губах скривив улыбку. Кристина прыснула облегченным смешком, взгляд на нового друга наполнив умилением.

– Спасибо Роин, спасибо за понимание, – пробурчал Джейсон, видя в угнетенном новом друге очередной результат их работы, внутренне осознанно не испытывая ничего кроме нахмурившей лицо ненависти к своим вооруженным силам и к себе стоящему в их рядах. Роин головы не поднимая, кивнул благодарность приняв. Против всех ожиданий и предубеждений в эмоциональных недрах проникаясь теплом струящимся от влюбленной парочки, внезапно в обличье которой получив каплю чего-то приятного милого, нужного измученному внутреннему миру, меньше всего желая осязаемое их счастье нарушить о мраке внутри он позабыл. Уже будучи готовым просто так поднять голову, и посмотрев ответно улыбнуться этим прекрасным идеальным людям излучающим добродушие и позитив. В разрядившейся, для всех ощутимо облегчившейся атмосфере Джейсон не зная, что еще сказать, спасительно носом прижался к волосам зажатой в объятиях перед собой Кристины, будто спрашивая у нее подсказки, от вдоха чарующего аромата в удовольствии закрыв глаза.

– Расскажи про свой инструктаж, – в его объятиях Кристина заметно загорелась счастьем, одаривая Роина радушной улыбкой.

– Сегодня утром, меня вызвали в штаб, где промыли мозги, велели следить за тобой Роин, присматривать короче. Но... Кристина здесь все решает, как она скажет, так и будет, – стоя за спиной, он, склонившись, преданно привычно положил голову на ее плечо, сжав ее крепче.

– Все будет хорошо Рой, – рефлексивно в близости любимого сияя счастливой улыбкой, успокоила и ободрила ставшим невероятно нежным голосом Кристина. – Пойдем просто погуляем! – Сладостно произнесенные своеобразной красавицей слова приятно колыхнули оживающее освобождением сердце Роина, вопреки непониманию происходящего чем-то неосознанным внутри ощущающего границу новой жизни веющей страхом и интересом.

Армидея была отделена от окружающего мира огромной непреступной стеной, сразу за которой располагалась территория военных гарнизонов. Вмещающая казармы здания штабов плацы для построений и просто площади, различные склады, высотные ангары для обслуживания используемых в военных целях животных. Затем, отделенная промежутком гарнизонов шла стена чуть меньше, дублируя внешнюю отделяющая территорию военных от мирных городских улиц. Получается, военная территория прослойкой шириною в пару километров зажатая между стенами растягивалась по периметру города. Обычно здесь был слышен гулкий топот передвигающихся строем солдат, крики запеваемых ими песен, командные выкрики офицеров, отголоски прочей суеты военных. Но сегодня в субботу все это пространство между огромными стенами замерло в тишине и ненужности. Лишь изредка можно было встретить военных несущих дежурство в выходной.

Через двустворчатые ворота, недовольно затворившиеся за спиной, по стрельчатой формы коридору миновав толстенную внутреннюю стену, Роин следом за влюбленной парочкой вошел в город. Разумеется, сидя поверх кипы мешков с натуральным калисским картофелем в кузове скрипящей рессорами телеги, в интересе вырвавшем из тьмы подняв глаза, не мог не оценить он издали представший впереди гигантский тянущийся на километры фантастический мегаполис. Лесом разнообразных зданий возвышающийся за массивной внешней стеной. Отли-

вающий на солнце позолотой, сияющий стеклом миллионов окон, полностью стеклянными стенами отдельных высоток. Приблизившись к внушительной громаде внешней ограды, въехав за нее через исполинские врата, уже сразу ощутив размах, и поэтому казалось, будучи подготовленным в какой-то мере. Все же оказавшись на улицах, Роин наполнился первобытным страхом, почувствовав себя ничтожной букашкой на фоне всей этой масштабной искусственной красоты, ощущаемой мощью выдающей свой физически невозможный сверхъестественный способ постройки. Джейсон вернулся со службы всего пять дней назад, поэтому они с Кристиной, преодолев долгое расставание, все не могли надышаться друг другом; о чем-то перешептываясь, хихикая, не скрывая счастья обмениваясь поцелуями, ласками, шли они в обнимку впереди никак не мешая плетущемуся позади Роину пребывать в потрясении. Пробудившийся туристический интерес, жажда увидеть познать что-то новое впечатляющее окончательно захлестнули в нем въевшееся уныние, временно заставив обо всем плохом позабыть, и впечатлено смотреть по сторонам глазами человека начинающего жить заново.

Основными цветами стен складывающихся город были все оттенки желтого, рыжего, светло и темно серый; черные тона встречались редко, в основном только в центральных районах. Притом, что некоторые уникальные здания имели невозможные для этого дикого мира стеклянные фасады. Белый цвет со всеми его тонами в здешней городской палитре отсутствовал принципиально. Жилые дома своими рядами образующие бесконечные лабиринты улиц, были не ниже восьми этажей, ближе к центру вырастая до восемнадцатиэтажных башен. В плане архитектуры особого разгула в их оформлении не наблюдалось, все было строго по-деловому. Лишь первые этажи могли похвастаться линиями декорированных карнизов, межэтажными рельефными фризами, рустовкой, полуколоннами, пилястрами; стенами, сложенными из узорчатого гладкого кирпича, отделанными плиткой разных цветов и размеров украшенной объёмными абстрактными орнаментами из переплетения прямых линий. Выше начиналась обычная штукатурка или прогрессивные алюминиевые панели, узорчатые железобетонные плиты, и только обрамления оконных проемов могли похвастаться декоративными резными наличниками. Зато здания общественного значения стоящие отдельно или сбитые в улицы днями страдающие многолюдностью, представляли собой пестрящие архитектурными изысками роскошные дворцы, воистину храмы науки и культуры; опять же возведенные в духе здешнего классицизма, конечно размахисто, но в то же время строго, стройно, симметрично, однообразно.

Позолота в кровле крыш из металлочерепицы, в накладных узорах городского камня, в обрамлении элементов фасадов зданий отражая свет солнца, светила желтым золотом, оправдывая народное название этого каменного лабиринта. Еще одной особенностью, но не здешней, проступающей в декоре городов большинства авангардных артэонских обществ было воспевание красоты человеческого тела как мужского воплощающего силу, так и женского олицетворяющего красоту, эротичность. Воплощением этого бзика служили многочисленные памятники, как былым героям, так и вымышленным, статуи как отдельно стоящие, так и декоративными колоннами, полуколоннами вплетенные в здания, выступающие из барельефов их стен.

Геометрически безупречно выверенные улицы, мощенные янтарной брусчаткой, обработанные специальным средством, на эту неделю источали мягкий лимонный аромат. По земле в городе никакой транспорт не ходил, поэтому пространство меж зданий было умеренно украшено ансамблями умиротворяющих зеленью разнообразных рослых деревьев, таких нужных в этот жаркий день, своими тенями спасающих от солнца. В местах пересечения улиц журчали фонтаны, высились памятники и диковинные вековые дубы с листьями красного, желтого, синего цветов, располагались скверы в дополнение к огромному количеству официальных парков.

На улицах, камень которых местами был разрисован цветными мелками, красками, слышался детский смех. Заставляя диковатого Роя жаться из стороны в сторону, дети проносились мимо на велосипедах и самокатах, резвились своими сборищами на обочинах, вели себя и жили, как и положено в этом возрасте – легко и беззаботно. Неспешно бродя одинокими фигурами, сидя на лавках почитывая газеты, проводили время решившие выбраться на улицу взрослые. Молодежь, разбитая на компании незаметно коротала время в тени деревьев, у фонтанов, неспешно бродя по улицам, будучи частью какой-то неописуемой, но ощутимой здешней гармонии, самостоятельно протекающей в атмосфере покоя и любви к тишине. Общая внешняя красота, безупречная телесная стройность, идеальность черт лиц здешних обычных жителей, каждого случайного встречного, требовала привыкания. Здесь не было стариков, больных, ущербных, грязи, даже малейшего мусора, все чисто, стерильно и благообразно. Близость к идеальности во всем – так можно было описать это место. Роин на таком фоне естественно увидел себя истрепанным дикарем, покрылся багрянцем, отяжелевший взгляд все чаще ронял в землю. Уже начав себе внушать, что его удел это деревня в Вечномерзлом лесу, грязь и слякоть того мира что вовне, а здесь он гость просто зашедший посмотреть, ни в коем случае не смеющий остаться. Хотя миролюбивое разумное окружение в большинстве своем из местной прессы знающее об этом госте или просто встречающее странно одетого бородатого чудака, старалось на него не давить, боясь задержать на нем любопытный взгляд, чаще всего взаимно опуская глаза. Кристина с Джейсоном, когда он отстал как-то уж слишком, остановились. Мрачная лишь снаружи красавица, с доброй улыбкой снова протянула руку, которую Роин голову стеснительно повесив, взял, обрадовав двух новых своих друзей.

Еще одной особенностью Армидеи только уже плана социального был обычай носить поверх одежды идентичного покроя плащ-накидки, обычно дополненные капюшонами; не имеющие застежки, свободно развивающиеся на ветру, лишь на шее закалывающиеся декоративной фибулой, брошью с каким-нибудь цветастым искусственным камнем; изготовленные из атласной прочной переливающейся на солнце непромокаемой ткани. Частично скрывая личную одежду, в какой-то мере приходя к однообразию, армидейцы якобы достигали компромисса между разумным внешним единством и стремлением каждой личности к индивидуальности. Хоть большая часть артэонок как и положено скрывала свою «индивидуальность» под установленными плащами все равно то и дело встречались исключения – ведь ношение гражданской униформы не было обязанностью – пестрящие необычными нарядами. Внеземные прелестницы, ранящие сердце недопустимыми для дикой Страны Волка минимум скрывающими тело летними облачениями, кажущимся невозможным блестящим на солнце шелком свободной кожи, эталонной стройностью ног, встречающиеся по пути как обычные прохожие. Вся эта отрада для глаз и тяжесть для сердца как-то совсем не вписывалась, выпадала из того серого мира что царил снаружи и Роин себя со шлейфом глубинной своей обиды на второй план сдвинув кажется, стал понимать для чего нужны такие высокие внешние стены и жуткая стоящая на страже армия. И все разумное его неприятие, основанное на чуть познанных волчьих законах царящих вовне, образующих собой фундамент на котором стоит представлявший красой своей «внутренний мир артэонов», в слепящем его свете незаметно просто растворилось, осталось где-то там вовне.

Кристина, обнимаемая Джейсоном, по-прежнему вела за руку Роина все реже опускающего глаза, по пути рассказывая ему историю города его основных достопримечательностей ждущих впереди. Попутно призывая успокоиться, расслабиться, отвлечься от тяжких мыслей и ничего не выдумывая у себя в голове просто прогуливаться вместе с ними. Не без влияния мрачной богини не чувствуя давления со стороны здешних обитателей его скованный внутренний мир привыкнув к исполинскому на первый взгляд окружению в этом плане умиротворился. Дикарем, ступившим в сияние чертогов высшей цивилизации, внутренне себя видеть перестав, он ощутил себя туристом, гостем из глубинки, зашагав свободнее. Пройдя несколько

улиц, размявшись, дав новому другу ощутить ауру своего дома, ребята спустились в здешнее метро. Другого способа быстро перемещаться по этим каменным разросшимся джунглям, просто не было.

Имеющийся здесь чуть ли не на каждом пересечении улиц спуск под землю по просторной лестнице, приятное чуть приглушенное освещение, мраморная облицовка стен как в каком-нибудь музее. Внизу на глубине десятка метров небольшая вытянутая платформа по продольным бокам ограниченная вскрытыми отрезками круглых как пушечный ствол тоннелей диаметром около четырех метров обеими концами уходящих в подземный мрак. Несколько колонн, частично ограждают обрыв платформы в тоннели, обширная карта станций здешней подземки изображена на дальней стене противоположно спуску. По центру платформы окольцованная двумя дугообразными лавочками на метр высится узкая колонна-пьедестал на себе держащая кнопку вызова, ну и, как обычно, имеется небольшая беззвучная очередь.

Спустя десятки секунд после нажатия кнопки вызова сопровождаемого звонком, предвещающая появление светом фар, откуда-то из мрачной паутины подземных нитей прибывает самостоятельная кабина-гондола, скользящая по потолочному тросу как на канатной дороге, рассчитанная максимум на десять человек. Первые стоявшие в очереди уносятся в темноту. Свитые из стали прочные тросы для скольжения кабинок, пронизанные потоком волшебной энергии висят под потолками отрезков тоннелей по бокам платформы, объаты зеленоватым светом, треском от проскакивающих разрядов периодически нарушают тишину. Очередь иссякает, и вот несясь с неопишуемой скоростью, резко тормозя, прилетает им положенная компактная кабинка и замирает чуть покачиваясь. Внутри четыре сидячих места и стержни поручней для стоящих пассажиров. Коснувшись хрустального шара, закрепленного на специальной панели под передним стеклом Кристина закрыв глаза, произнесла код нужной станции. На время посадки погасшие, ярко загораются передние фары, и подвесной вагончик, получив задание сам собой срывается, разгоняясь до нереальной скорости, несясь по лабиринтам идеально круглых тоннелей идущих то вверх то вниз, то по спирали, разрастаясь грузовыми общими магистралями, вновь сужаясь специальными гражданскими линиями. Роину с интересом севшему впереди, смотрящему в покатое лобовое стекло, чтобы не остановилось сердце с непривычки пришлось отпрянуть и привычно уставиться в пол. Бок о бок с Джейсоном расположившаяся на задней паре кресел Кристина, сквозь промежуток между спинками положив руку ему на плечо, заставила повернуться к себе обремененное бородкой лицо. – Не бойся, все хорошо. Это просто тоннель, – с теплой улыбкой произнесла она едва разборчиво в рокоте стальных оттенков сопровождающем движение, но он ее услышал. Ответив безмолвным кивком, внутри оставшись с приятным согревающим остатком, осознанием заботы становящейся опорой для несущегося в темноту неизвестности всполошенного нутра.

Если верить подсказке плакатами распределенной по стенам вагончика то коду, названному Кристиной соответствовала станция «Центральный парк-3». Выйдя из подземки, ребята, шагая вровень – Кристина, обнимая Джейсоном с одной стороны, все также дружески сжимала руку Роина с другой – двинулись по узкому идущему в гору проулку, зажатому громоздкими зданиями центрального района города. Заново открывающему для себя мир Роину предстояло немало удивиться, увидев пару метел, совок и бочок для мусора, летая по воздуху самостоятельно убирающих улицу. Оказалось, всем этим ансамблем управлял находящийся в его центре парящий маленький железный шар размером с футбольный мяч, смотрящий на мир единственным механическим моргающим глазом. Робобиоты представляли собой полноценные механические тела с кабелями-венами, сердцем мотором, в которые при помощи магических хитростей вдыхалась жизнь. Армидею обслуживали Сферы, те самые размером с футбольный мяч летающие шары, окруженные так называемым телекинетическим полем, в рамках которого они могли взаимодействовать с любыми неодушевленными предметами. Поэтому со стороны могло

показаться, что метлы убирающие улицы, которыми он управлял, будто ожили и умело паря стали подметать сами собой. Имея неограниченный доступ к магии артэоны весь физический труд, все обслуживание себя переложили на подобных искусственно создаваемых существ.

Ребята вошли в самый настоящий лес, за кованой оградой раскинувшийся в глубине города. Будто пытаясь что-то компенсировать, агонизируя в постоянном противостоянии с чем-то, магия в этом мире по неустановленным причинам не могла оставить здешнюю флору в покое, постоянно преображая и видоизменяя ее. Разумеется, волшебные деревья и растения, представленные новыми уникальными видами это неотъемлемый элемент любого пронизанного этой силой мира, но в данном случае имела место самая настоящая волшебная аномалия, глобально приводящая к возникновению растительных мутантов на основе естественных представителей флоры. Растительных мутантов видоизменяемых зачастую по несколько раз на протяжении длинных жизней. Ботаника как наука в таких реалиях была бессмысленна, ограничиваясь лишь описанием первообразов и основных линий мутации, а леса особенно в глубине своей пышностью и разнообразием форм могли превзойти любую даже самую смелую фантазию.

Каменную дорожку, по которой войдя в парк шагали ребята, зажимали дебри великанской черемухи, источая цветущий свой весенний аромат на украсившихся молодой листвой ветвях уже во всю распутившейся нежно розовыми самыми настоящими цветами. От дорожки в стороны меж тенистых дебрей уходили многочисленные манящие тропинки. Пришедшие сюда в сегодняшнюю жару горожане расположились на траве лужаек, укрывшись в тени деревьев, читая книги, устраивая пикники или пока непонятно для Роина застыв, с закрытыми глазами, будто мертвые просто лежали на спинах целыми группами. В нескольких здешних правильных форм прудах купание было запрещено, но посидеть у берега глядя на воду, на плавающих в ней откормленных парчовых карпов, поплавать на челне наслаждаясь какой-то понятной только артэонам тишиной можно было сколько угодно. По краю миновав здешний обширный обжигаемый солнцем партер, где-то по ту сторону которого над высокими хвойными верхушками возвышалось еще метров на тридцать колесо обозрения; сойдя с дорожки, по тропинке в душистой тени зарослей выйдя на волейбольную площадку, пустующую в нынешней жаре, пройдя еще немного ребята, наконец, вышли на сокрытую окружением первообразных берез лужайку, в противоположном краю которой на пляжном покрывальце лежали еще три участника новой компании Роина.

– Зайки! – выйдя из-за деревьев, аккуратно чтобы не напугать произнесла Кристина.

Первой всполошившись, резво подскочила читавшая книжку синеглазая красавица. Яркая блондинка и какой-то парень неряшливого вида, бездвижно лежавшие на спинах с закрытыми глазами будто медитируя, пробужденные словами всположившейся красавицы поправляя на себе одежду, неторопливо поднялись следом. Увидев Роина, от неестественности искусственного знакомства смущенно улыбаясь, они застыли, ожидая скрипучей неудобной для всех процедуры представления.

– Роин знакомься это Селина или говоря проще – Фиалка. Раньше она носила фиалковые волосы, довольно долго, за что и заслужила второе имя. Несмотря ни на что она всегда наш Цветочек, – обласкивающим тоном первой Кристина представила самую миниатюрную в компании синеглазую красавицу, в одиночестве оказавшуюся на первом плане, будто выставленную вперед двумя еще не представленными друзьями, в обнимку скрывшимися за ее спиной. Облегающее вискозное платье-майка до колен в светло-синюю собой несущую легкость летнего бриза диагональную полоску на белом фоне. Легкие сандалии, на белой ровной подошве, прозрачными ремешками почти незримо сжимают ступни. Глянцевитая вобравшая в себя любовь и ласку оливковая кожа, на открытых плечах буквально сияет нежностью. Длиной до середины предплечья в основе иссиня-черные ровные волосы на макушке вдоль пробора и узором лепестков спускающихся вниз по длине опылены темным ультрамарином. Не оставляю-

щая шансов прелестная милейшая мордашка, чуть подрумяненная солнцем, не отягощенная излишним макияжем. Аккуратный идеально вписывающийся в общую красоту округлых черт носик, окрашенные в неоновро-розовый поблескивающий цвет четко очерченные гармоничные губы чуть поджаты в уголках, будто в стеснительной улыбке. Глаза невозможного для человека глубокого синего оттенка, что-то внеземное, в природе сравнимое лишь с насыщенным цветом дневного неба меж прорезей белых облаков строго над головой. Сквозь завесу нависшего теплого воздуха прорываются отголоски ауры ее благоухания. На первом плане это веселый яркий апельсиновый оттенок, перетекающий в тяжелый мятный обдающий холодом и свежестью зимнего ветра аромат. Изучивший нового друга на безопасном расстоянии смеющийся полный детской наивности и тепла взгляд в близости замер стеснительно опущенный в землю.

– Здравствуйте, – приятно удивив Кристину тихо, будто боясь потревожить обволакивающий теплом стоячий воздух, сказал Роин, представшей робкой прелестью резко очарованный. Незнакомое благостное невероятное желание с наблюдаемой телесной сладостью соприкоснуться пленило всю его сущность целиком, вмиг пробудив ее будто ото сна. А она воспринимая ангелом, не поднимая глазок затягивающая с ответом, заметно сжалась, стеснительно сплетя пальчиками руки на животе. Согревшимся нежностью взглядом пару секунд свободно чудесное создание изучая, вдруг наглядно он прочувствовал безобидность и даже беззащитность, несложность того что подразумевают под «внутренним миром артэонов», оживая желанием узнать этот мир лучше.

– Приветик, – тихонько немного боязливо, но все же с читаемым во взгляде интересом сказала она, уже отчетливо мило улыбнувшись сильнее подогнув уголки ярких блестящих губ, обезвоживающих будоражащим сознание желанием; ростом ниже Роина почти на голову, все еще в неловкости внутренне сжимаясь. Кристина, стиснув губки будто перед поцелуем от умиления при взгляде на стесняющуюся любимую малышку, не выдержав двинулась к ней. Веющая ночным мраком и холодом королева, подойдя сбоку, с материнской лаской сжала по-летнему знойную принцессу, обеими руками обхватив за дальнее плечо, ближним уперев ее себе в грудь, подав лицо вперед с закрытыми глазами коснувшись носом ее ароматных прядей. – Все хорошо, – успокаивая, любвеобильно шепнула Кристина, и представленная Фиалкой позабыв обо всем, развернув голову, прижалась лицом к лицу подруги, задыхаясь от нежности сильнее сжимаемая в объятиях.

– Это наша красавица Алексия, Алекса, Лекса, Лексик. Наше Солнышко, – надышавшись маленькой подругой, не выпуская ее из своих берегающих объятий, развежившаяся Кристина продолжила представлять друзей, начав с блондинки. Представленная светловолосая красавица уже более естественная в нынешних условиях, оставив неназванного своего кавалера в шаге позади, сделала шуточный книксен. Роин вдруг уронивший взгляд, неловко поклонился в ответ. Выпрямившись, убрав улыбку, наглым прямым взглядом смерила она явленного интересного чудака пока тот, напуганный подсознательным ее восприятием снова со склоненной головой и опущенными глазами закрылся в своей «скорлупе». Не понимая, что с ним, хулигански улыбаясь, она бросила взгляд на Кристину в поисках объяснения. Кристина, умоляя глазами, с пальцем поднесенным к губам, обычно требующим тишины украдкой призвала ее быть аккуратнее с новым другом.

– Ну, приветик, – сдавливая Роя грузом своих глаз, не могла Алекса не передразнить маленькую подругу своим размеренным сладким голосом. Волосы ее цвета золотистый блонд длиной до пояса в целом ровные, начиная с середины чуть рассыпались на отдельные лежащие пряди. Вытянутый мягких округлых очертаний носик, едва проступающая ямочка на подбородке, сочные полные идеальной формы губы, данные для сладостей любви, окрашены в легкий нежно-розовый оттенок. В своей сердцевине лимонного модного в Армидее цвета бриллианты глаз по краю окаймлены узенькой, но вполне осязаемой полоской белого золота. Ростом она чуть выше Роина; идеальное тело, в интересных местах украшенное витиеватыми астеризмами

родинок на кремовой чуть налившейся бронзой в предвестии лета коже, символически скрывает своего рода платье-купальник. Жгущая глаза по-летнему белая узенькая тканевая полоска из необычного эластичного материала что-то вроде полиэстера, петлей охватывая шею, пересекаясь крест-накрест у ключиц, двумя линиями спускалась вниз, обвивая туловище. Сначала поджимая выдающуюся иссушающую своими очертаниями грудь, аккуратно скрывая самую интересную ее часть. Ниже груди уходя за спину, белые линии снова пересекаясь спускаясь к поясу выходя вперед перетекали в поджавшую талию плиссированную мини-юбку. Эталонные ножки ее модельной длины обуты в серебряного цвета босоножки на ровной легкой платформе.

– Ты значит у нас неразговорчивый? – зная об упрекающем взгляде мрачной подружки, произнесла Алекса с озорством на Роя глядя. В качестве ожидаемого не без волнения нового друга из дебрей внешнего мира, получив зажавшегося в ее присутствии печального паренька, в общих чертах о нелегкой судьбе которого проинструктированная Кристиной, обращаться к нему рекомендовано мягко и аккуратно блондинка эта сочла для себя нелепым. И не нашла ничего лучше чем ляпнуть что ляпнула. Едва Кристина, спасая положение, собралась двинуться к бедняге Рою травмированному блондинистой эффектной неожиданностью, закрыть его от нее собой, попытаться успокоить, как он не поднимая головы, пожатием плеч отреагировал на заданный вопрос. – Не думаю, – буркнул он, во внимании Алексы под давлением чего-то изнутри не имеющий права остаться дураком. – Просто я... потрясен немного... потрясен происходящим, – сглотнув пересохшим горлом, оправдался он, заглянув в горящие золотом глаза с долей вины за свою реакцию в надежде на снисхождение. Иного перед золотоволосой бесспорной богиней ему просто не оставалось. – Да ладно успокойся, – смиловалась она, наполнившись ласкающим теплом во взгляде глаз золотящихся в окружении лепестков розовых теней дополняющих подчеркивающий красоту лица макияж. – Понятное дело у тебя стресс, – добавила она с широкой улыбкой говорящей, что все хорошо. Получив расположение Роин, на облегченном выдохе выпрямив голову, но глаза опустив, невольно прорезался милой улыбкой, ставшей ответной. А в глазах яркой блондинки перекинувшейся взглядами с мрачной на ее фоне в очах пылающей кармином Кристиной появилось аналогичное подружке отрадное умиление.

– И Хьюго, Хьюи наш малыш, – переключением внимания спасая Роина от блондинистой богини любви, Кристина представила последнего из друзей. – Наш Плюшик, – с ласковой улыбкой нежно глядя на оставшегося в стороне неряшливого парня по имени Хьюго, промурлыкала своим милейшим голоском Селина, дополнив Кристину и получив от нее благодарный поцелуй в щечку. Хьюго с растрепанными взъерошенными любимыми руками игривых подруг неухоженными волосами, упирающимися в плечи, облаченный в какую-то неприметную мешковатую спортивную одежду, сверху прикрытую положенным темным плащом стоял молча, в ненавязчивом наблюдении за происходящим ожидая развязки. После представления ставший объектом общего внимания, чем естественно недовольный напрямую глянув на Роина, он понимающе улыбнулся, видя, что новому другу также неудобно от этого всего, как и ему. Чуть превышающая в росте, яркая на его фоне блондинистая королева, с дружеской усмешкой на своего нелепого кавалера глядя, поддерживая в непростую минуту, вернулась к нему дав обнять себя за талию, склонив голову боком ему на плечо. С учетом миролюбия и безмятежности внутреннего мира артэонов неизбежность наличия личностей подобных представшему Хьюго была естественной и для подсознательного взора Роя очевидной. Встреча с этим безвредным тихим артэонским раздолбаем, внутренняя суть которого внешне читалась с первого взгляда, стала для него чем-то интересным и облегчительным. После взгляда на это чудо, все понимая без слов Роин, опустив глаза, расплылся в ответной ему дружелюбной улыбке, создав растрогавшее прекрасную руками сердечко поджавшую Фиалку мгновение, радостно этой милашкой уловленное.

Все трое парней, включая безучастно оставшегося на заднем плане Джейсона, чувствовали себя неловко, в то время как разнотонные красавицы переглядываясь между собой, озарились улыбками, наполнившись интересом к предстоящему дню с учетом приятного нововведения. Кристина пояснила, что у них имеются несколько бутылок сладкого малинового вина и фрукты, поэтому они решили для начала устроить небольшой пикник, здесь в тени пока не спадет жара, посидеть побеседовать, лучше познакомиться. К счастью Селина, как подметила Алекса, в ожидании зачитавшись, не успела съесть все фрукты, и устроить что-то вроде пикника было вполне возможно, все ребята расселись вокруг покрывала. Роин разумеется еще стесненно просто следовал ситуации создаваемой новыми друзьями, молчаливо отдавая себя их воле.

Девчонки, зашелестев пакетом-майкой, достали оттуда приготовленные вкусности; разорвав оберточные пленки, расставили по окруженному покрывалу подложки с заранее нарезанными на дольки яблоками, апельсинами и невиданными Рою манго; разлили вино по пластиковым стаканчикам. Селина, движимая эмоциями, за минувшие месяцы соскучившаяся по своему любимому здоровячку предпочла оказаться в его объятиях. Джейсон аккуратно прижал к себе свою бесценную малышку, притягивая целующую и ласкающую его лицо своими нежными ручками. Алекса так и осталась в объятиях Хьюго, оказавшись напротив предыдущей влюбленной парочки у торцевой грани вытянутого в длину покрывала. Кристина, которой предстояло вести диалог, села напротив Роина по центру. После стандартного «за знакомство» от Кристины начался разговор, не сказать, что просто.

Кристина поначалу задавала Рою, под окружающим вниманием оставляющему взгляд опущенным, какой-нибудь вопрос касаемо его пути к ним, особенностей жизни, природы недоступной Страны Волка и, не особо дожидаясь ответа отталкиваясь от смутных имеющихся сведений, сама же начинала себе отвечать, примерно обрисовывая картину, заведомо не совсем правильно. При поддержке Алексы вставляющей свои предположения и шуточные комментарии фактически вынуждала она Рою делать уточнения и разъяснять лучше. Скрипучим вытягиванием слов и ограниченных комментариев из нового друга сломав изначальный имеющийся в его случае барьер в итоге девчонки, фактически развели его на разговор. Постепенно разговарившись, посмеявшись над глупостями, осознанно выдаваемыми блондинистой Алексой, раздутыми без обид посмеивающейся над ней Кристиной; начав с боязливых взглядов, он научился спокойно смотреть на окружающих прекрасных людей, и разговор потек сам собой. Общаясь со сверстниками Роин, естественно был полон встречных к ним вопросов, а они в свою очередь со слов Алексы были «открытыми книгами».

Все ребята в силу возраста были студентами, ходили в один университет. Фиалка и Хьюго здесь считались «малышами» поскольку им было по восемнадцать, они учились в одной группе, уже фактически перейдя на второй курс. Остальным участникам компании было по двадцать, но их разделяли факультеты. Алекса, как и малыши, обучалась по общей программе, а здесь студенчество было всего лишь веселым времяпрепровождением до двадцати одного года – взрослого возраста после которого уже можно обзаводиться детьми, своей семьей и становиться занудным взрослым. Учеба была не более чем способом немного больше узнать о мире, имели место несложные домашние работы и курсовые, а так в основном участие в жизни университета, различных кружках по интересам, университетских командах, студенческих вечеринках и прочая ерунда. Кристина же в силу интеллекта рожденная управленцем была отобрана в специальную группу, в будущем ей предстояло стать госслужащей, поэтому приходилось серьезно напрягаться, учиться по-настоящему. Сейчас ребята уже фактически находились на летних каникулах, Кристине правда предстояла защита курсовой на следующей неделе, что для нее не было проблемой. – А Джейсон солдат, поэтому он как все они делает вид, что учится заочно, – вставив с улыбкой, Кристина заставила всех с усмешками посмот-

реть на молчаливого атлета которого не оставляющая в покое Фиалка с рук кормила ломтиком яблока.

Таких разных их всех объединяла лестничная площадка, только Хьюго жил ярусом выше, но это не было препятствием. Вместе они были с детства, столько, сколько себя знали. – Вот только Селиночка когда была маленьким цветочком, долго не хотела гулять с нами. На улицу выходила, только держа за ручку кого-нибудь из взрослых, игнорируя все наши знаки внимания. Пока однажды когда нам стукнуло по десять, мы сами не постучали в дверь ее квартиры, фактически силой утащив ее на улицу, – красавица Алекса заставила всех в обожании и теплых чувствах посмотреть на Фиалку. Синеглазая обаяшка подобно ребенку в застенчивости своеобразно спрятавшись от прикованных взглядов, лицом прижалась к груди Джейсона заботливо укрывшего ее в своих объятиях. Привычно своими причудами она забавляла друзей и теперь Роина тоже. – Помнится поначалу я играла с ней как с куклой, наряжала ее в разные наряды, – все продолжала умиляться Алекса, мечтательно вспоминая детство.

Естественно Роину продолжали сыпаться разные вопросы, в основном как оно там, в Стране Волка: касаясь еды, питья, обустройства быта и досуга. Любовный самый важный вопрос естественно последовал от Алексы, и все девчонки замерли во внимании. Роин без подробностей дабы не нарушить всем этим негативом здешнюю идиллию рассказал им о своем невольном браке и без того шокировав девчонок – кроме Кристины разумеется – и Хьюго. Селина даже прослезилась, осознав брачную неволю описанную новым другом, в очередной раз приковав к себе всеобщее внимание, вызвав волну умиления. Кристина, желая к сжимающему прелестную Фиалку Джейсону присоединиться, приласкать свою любимую подружечку, дабы не отдаляться от Роина ограничилась просьбой к любимому здоровяку пожалеть малышку за них за всех. Чему Джейсон возразить не мог, крепче сжав всеобщую любимицу, целуемую в ароматную макушку.

Первая бутылка была выпита незаметно. Хьюго беззвучно слушающий разговор попросился у Алексы куда-то отойти, дабы не мешать, но она строго велела ему сидеть и забыть о чем он просит. Селина не оставляла в покое огромного сжимавшего ее в своих объятиях Джейсона ни на секунду. Спиной к мощному торсу сидя прижатая с налитыми интересом детскими синими глазами слушая представленного нового друга, кончиками пальчиков чуть выпирающих коготками, нежно и ласково она водила по контуру лица любовно плененного здоровяка. Хулиганским озорством загорааясь, периодически сменяя его нос, уши, тиская щеки, всячески щекоча лицо своими нежными райскими прикосновениями от которых ему с едва сдерживаемым смехом было не оторваться. Безмерно соскучившийся по любовно сдавленному милому синеглазому созданию, с улыбкой и сковывающим удовольствием готов он был терпеть любые мучения от ее маленьких нежных ручек, отвечая только поцелуями ее головы поверх ароматных волос. И вот устав сидеть, тихонечко незаметно для нового друга она стала просить Джейсона себя покружить. Сначала шепотом на ухо, склоняя его голову на уровень своей, затем все громче протягивая мольбы своим ангельским голосом обжигая прикосновениями губ к притяннутому лицу, сопровождая все это нежными поглаживаниями зная, что слом его воли это лишь вопрос времени.

Джейсон со счастливой улыбкой взглядом попросил одобрения у своей мрачной королевы, и, получив от Кристины положительный кивок, будто невесомую поднял на руках хулиганистую полную счастья милашку, бережно понес ее в центр лужайки, где держа за руки принялся кружить ее вокруг себя и, набрав разгон дал ей оторваться от земли. Им за руки удерживаемая прелестница внутренне подобная ребенку с визгом и смехом по кругу полетела над зеленой травой как на карусели. Роин в образовавшейся паузе, как и все озарился улыбкой, забавляющейся, с интересом наблюдая поведение новых друзей под изучающими искоса взглядами Кристины. Спустя несколько минут приличной физической нагрузки за спинами возобновивших диалог ребят, здоровяк Джейсон бережно свою принцессу приземлив, свалился без

сил. Она же хихикая, лучащаяся счастьем вскарабкалась на него, ободряя щекоткой, не давая покоя, издевательски упрашивая покружить себя еще.

После того как Джейсон и Фиалка отлучились Хьюго снова попросился куда-то у Алексы, уже вызвав ее раздражение. – Хьюи зайка побудь с нами, – горя багряными углями лишаящих свободы глаз мягким повелевающим голосом вмешалась Кристина, не оставив выбора своему неряшливому стесняшке. Как оказалось, запретным объектом желания Хьюго создающим проблему являлась некая Инфосфера. Будучи частичкой так называемой Инфоматерии – великого вселенского информационного пространства – обособленной специально для артэонов, Инфосфера была своего рода их всемирной информационной сетью. С которой они благодаря частице Духа внутри могли спокойно соединяться, ложась на спину и закрывая глаза. Роину стало понятно, чем занимались все эти якобы медитирующие армидейцы сотнями бездвигно лежащие на траве в парке.

Инфоматерия хранила в себе знания и основные мысли всех великих когда-либо существовавших во вселенной цивилизаций, в своем совершенстве дошедших до открытия доступа к ней. А также служила средством связи, при помощи которой представители этих цивилизаций могли общаться друг с другом вне времени и пространства. Для артэонов доступ к этой тайне вселенной открыли Духи, локализовав отдельный ее кусок так сказать для местного использования. Это было что-то вроде вселенной контролируемых снов, где при помощи разума, фантазии можно было творить целые миры и показывать их окружающим, открывать их для всеобщего доступа. За бесчисленные годы Инфосфера была засорена множеством сотканых в ней развлечений, представленных в виде различных виртуальных игр кинозрелищ и прочих невероятных аттракционов. Артэоны, в особенности молодежь, в основном коротают досуг, протершись на спине с закрытыми глазами разумом странствуя по собственной виртуальной реальности, сегодня их стараниями разросшейся до вселенской бесконечности. Все они, так или иначе, этим занимаются, но отдельные личности подобные Хьюго натурально увязают в этой паутине, забывая про реальность, предпочитая жить своим ярким виртуальным эго вместо настоящего себя. Если бы не друзья, постоянно таскающие его за собой, Хьюго натурально позабыл бы про свет солнца. Алексе обожающей реальность, вечеринки, общение, разумеется, такая его зависимость не нравилась, но, сколько бы она при помощи Кристины не пыталась его «вылечить» все было без толку.

– ...И вот сейчас он собирается пойти туда в кусты и завалиться там как мешок, как труп, отправившись к своим виртуальным друзьям, – возмущалась и одновременно объясняла Роину Алекса.

– Ну, перестань Солнышко, – гипнотизировала глупенькую блондинку своим наполненным любовью взглядом Кристина. – Хьюи хороший мальчик ведь он же слушается. – Когда Кристина говорила что-то Хьюго или как-то касалась его в своей речи, ее голос становился нежнейше тихим и ласково аккуратным.

– Ага! Только пока мы рядом. Стоит отвернуться и он тут же завалиться овощем, – не успокаивалась разошедшаяся Алекса, сделав большой тяжелый глоток вина. Тихий Хьюго понимая, что виноват, прижался к ней поцеловал в щечку, она недовольная пока воздержалась от ответа.

– И хотел сказать... Спасибо вам. Спасибо что вытащили меня из той коморки, – когда все самое страшное оказалось позади, внутри воспрянувший себя обретший, согретый приятным вином Роин, неуклюже, зато искренне попытался выразить царящую внутри благодарность. Пока вовне нависла внезапно подвернувшаяся пауза, и тему нужно было сменить.

– Да не за что, – распротершись по краю покрывала, рукой подпирая голову, насмешливой улыбкой смотрящая на него Кристина показывала, что благодарность не нужна, хотя в лице ее воссияла удовлетворенность. – Мы своей компашкой в той или иной степени крайне примитивно воплощаем основные личностные стереотипы нашего общества, – рассмешила она

Хьюго и Алексу. – Говоря проще: подружись с нами, потом сможешь легко ладить со всеми городскими артэонами!

– Ну, я бы не сказал, – вдруг неожиданно и непривычно забубнил Хьюго, вызвав умиленное удивление своих богинь. – Что касается «городских артэонов», то Роин еще насмотрится на всяких странных личностей, и даже гиперличностей. Среди нас же ведь даже не одной творческой личности нет.

– Глупышка, это все уже крайности, знакомиться с которыми ввиду их сложности Роину сейчас рановато. А вот мы как самые обычные «городские артэоны» идеально подходим для первичного ознакомления. И всего-то, – мягким и нежным ангельским тоном разъяснила Кристина, прямым полным любви взглядом превращая своего Хьюго в несмышленного застенчивого мальчишку. – Да ваше высочество, – все, что мог он буркнуть в ответ. Алекса на этой ноте прижалась к нему покрепче и поцеловала в волосы у виска, как бы говоря: все я поругалась немного, теперь давай мириться.

– Мама вчера вечером, когда все утрясла с вояками, понимая, что ты нормальный и нуждаешься в помощи, поговорила со мной и... нам как раз нужен был третий мальчик! – не желая углубляться в темные подробности Кристина, рассмешила Алексу. На подсознании уловив намек, ушедшим куда-то разумом пока ничего не осмысляя, Роин порозовел. – Видишь... мы с Джейсоном сближаемся уже давно, и теперь собираемся объявить себя официальной парой... – дальше разъясняя, Кристина решила сразу говорить с Роином просто и понятно как с родным и близким.

– Он сделал тебе официальное предложение? – запылала радостью Алекса.

– Глупенькая, он сделал мне его, когда нам было еще по десять и вот теперь я готова его принять, – нежно смотрела на свою верную подругу Кристина. – Все больше мы стараемся уединиться, оставляя малыша Хьюго на растерзание нашим двум проказницам, – объясняя Роину, Кристина кривила в улыбке острых очертаний тонкие губы. – Вон посмотри, какой Хьюи стал худенький, совсем обезвоженный, – переведя глаза на объект обсуждения, смеялась она, чем смущала Хьюго ответившего упрекающим в предательстве с прищуром взглядом, от которого откупилась посланным на расстоянии поцелуем.

– Чудо ты мое лохматое, – Алекса сама обняла и прижала любимого Хьюго к себе. – Я, честно говоря, даже испугалась, когда Кристиночка мне такая сегодня утром заявляет что там ну этот типа дикарь, о котором в газетах писали...

– Гость, – поправила ее Кристина.

– Ну да гость, – исправилась Алекса, – и нужно пойти с ним типа погулять, познакомиться, помочь адаптироваться. Я такая в шоке, не знаю... типа из Страны Волка и все такое, думаю там, наверное, чудище какое-нибудь, но нет. В итоге я увидела нормального такого парня, – обласкав Роина робкой улыбкой, поделилась по-летнему знойная не такая уж сложная блондиночка источающая палитру мягкого цветочного аромата, в котором угадывались отголоски пачули.

– Вы все тоже очень... неописуемо прекрасные... о вашей внешней красоте и речи не идет, – застенчиво опущенными глазами скрывая трепещущее сердце, не мог не поделиться Роин. – Главное что внутри вы просто ангелы... очень необычные, – столкнувшийся с чем-то потрясшим до глубины, с трудом произнеся, отвернулся он куда-то в сторону. Еще не чувствуя но на подсознании предощущая ожог оставленный внутри ослепительной яркостью встреча с которой болезненно резко преобразила вязкий поток его донныне серой жизни. Сейчас желанием сближения с новыми друзьями буквально обезвоженному, где-то глубоко внутри ему бы все же было лучше, если бы жизнь так серым вязким потоком и осталась.

– Спасибо Рой! – засияли белоснежными улыбками девчонки. Ответная улыбка чуть дернулась у него на губах, метнувшиеся меж улыбающимися красавицами уже практически влюбленные глаза вдруг остыли. Наблюдающий всестороннюю заключенную в тела красоту вдруг

вспомнил он о строго ограниченном слишком уж малом ее сроке, что сдавило его сердце проявившимся глубоким вдохом горьким сожалением. Отведенные шестьдесят лет сейчас чувственно воспринялись им как суровый приговор. – Мы просто стараемся устраивать жизнь разумно. И ты со временем скинешь с себя всю эту скованность, тем, что у людей зовется душой поняв, где оказался, станешь одним из нас, – своим успокаивающе-ободряющим тоном пояснила Кристина, за глазами скрывая нерушимую умиротворенность своей бесценностью способную оправдать короткий жизненный срок. – Но если говорить серьезно, – тяжело вздохнув, не вписывающаяся в летнюю зелень мраком своего облачения красавица, задумчиво посмотрела на Джейсона, затем на Фиалку играющих в центре лужайки, переведя все еще исполненный тяжести взгляд на Роина. – Просто твоя жизнь зашла в тупик Рой, и в наших силах помочь тебе. Ведь помогая, совершая доброе дело, мы помогаем и себе тоже, делая мир вокруг хоть немного лучше, – заметно обнадеживала саму себя отведшая глаза в сторону Кристина, также проваливаясь в какие-то свои сложные мысли.

– Не бойся Рой, переоденем тебя, станешь одним из нас никто и не отличит, – отвлекая внимание от смолкшей подруги, уже примерно прикидывала его будущий внешний вид веселая Алекса.

– Сбреем эту ужасную бородавку, – вновь ожила Кристина. – В смысле, – позабыв, что перед ней не один из ее малышей опомнилась она. – Рой, ты будешь согласен ее сбрить? – быстро исправившись.

– Да, разумеется, – с улыбкой с удовольствием покорился он.

– Молодец! – сияя радостью, похвалила его Алекса.

Джейсон, тяжело дыша, принес на руках по-детски довольную Фиалку, положив милую видную егозу на краешек покрывала, волосы которой у побора теперь украшал вколотый в них цветок ярко-синей вероники не дотягивающий до глубины ее глаз. Вспотев, играя с хулиганкой на такой жаре, отойдя чуть в сторону подальше в тень, стоя к друзьям спиной он снял футболку, обнажив мускулистый торс, украшенный изощренными переплетениями узоров своеобразного тату-орнаментал, ввиду юности с пустотами для будущего смыслового наполнения. Селина закатив глаза, изобразила на покрывальце падение в обморок, оголившегося любимого атлета взглядом оценив. – Не выпендривайся, одень футболку, – сморщившись в наигранном отвращении, не могла не подколоть его Алекса. – Мне жарко моя королева, потерпите пять минут, – в нерушимом спокойствии ответил ей Джейсон. Селина уже захихикала от ответной щекотки Кристины, на покрывальце оказавшейся от нее поблизости. – Ну как, жара спала, мы уже можем идти гулять? – адресовала Кристине Алекса. – Да надо выдвигаться, нужно показать Роину город, достопримечательности, хотя бы основные, – вставая, отрывая от себя повисшую на шее хихикающую Селину, сказала Кристина. – Но нужно это... взять с собой бандита, а то он нас там весь день ждет, – молитвенно сложив руки, хлопая синими глазками, вспомнила Фиалка, с колен на Кристину глядя. – Ну, хорошо, ладно, – смиловалась темная королева, подушечкой пальца легонько шлепнув эту непоседу по кончику носа, в удовольствии закрывшую глаза.

Девчонки одели свои плащи аккуратно сложенными пролежавшие рядом с вместившем мини-пикник покрывалом. Темный положенного цвета плащ Алексы однако, был предельно коротким, никак не скрывая ее модельные сияющие гладкостью ноги. Темный плащик Фиалки положенной длины чуть ниже колен поверх ткани был покрыт сетчатым узором из блестящих на солнце миниатюрных страз в форме звездочек. Оставшуюся бутылку вина и покрывало, стаканчики и любовный роман Селины, убрав в пакет, который понес Джейсон, оставив обедки и множество оставленных нетронутыми долек фруктов здешним иногда проскакивающим в древесных кронах белкам, ребята двинулись гулять.

Еще в пределах парка Фиалка, следующая в объятиях Хьюго, не в силах сдерживать по-детски шаловливую непоседливую свою сущность рукою провела по листе ветвей устало скло-

нившего их над головами старого береста из обрамляющей дорожку их череды. Уголки губ привычно приподняв, будто в улыбке, в глазах запылала она истомившимся озорством. На волне своего внезапного порыва про Роя и связанную с его присутствием застенчивость позабыв, в предвкушении хихикнув, она, скривив виноватую улыбку, ринулась вперед, молящим смеющимся взглядом заставив безнадёжного Хьюго отпустить свою руку. Чуть проскакав вприпрыжку, с шелестом ветвей она вбежала в парковые дебри, и там скрывшись от всех подняв защитно опущенные глазки, наконец, глубоко умиротворенно вдохнула. Хьюго осознающему свою вину, не понимающему как так вышло, осталось только моргая извиняющимися глазами смотреть на упрекающую его взглядом сердито сжавшую губы Кристину.

Чудаковатая Фиалка, тем временем голову укрыв под прижатым руками капюшоном положенного плащика, с улыбкой понеслась меж деревьев царапающих ветвями; далеко впереди друзей снова вырвавшись на мощеную тропу, ее перебежав она завалилась в траву боковой лужайки, довольная, понюхав цветы улеглась ничком будто собралась спать среди зелени парка. – Цветочек может, ты придержишь свою Фиалку хотя бы сегодня!? – кричала ей отяготившаяся неудобством Кристина. – Она хочет поиграть! – с опущенными смеющимися глазами себе под нос отвечала она, говоря о своей личности в третьем лице, как можно быстрее вставая, с хихиканьем убегая дальше, пока не успели приблизиться друзья, на которых ей было лучше не смотреть. Хулигански переступая через встречающихся на пути компаниями неподвижно лежащих на спинах соединенных с Инфосом (как его было принято называть) отдыхающих сограждан она что-то напевая, гуляла среди парковых зарослей, игнорируя аллею оставшуюся сбоку. – Она у нас игривая, – испытывая стыд из-за причуд Фиалки, со стороны похожих на сумасшествие попыталась оправдаться Кристина. – Все нормально, – с улыбкой успокоил ее Роин, прекрасно понимающий кто есть кто в числе новых друзей. – Надо поймать ее и передать в объятия Джейсона, – Кристина велела Алексе и Хьюго, хохочущим из-за всего этого конфуза.

Случайная пара пожилых артэонов решила в этот день отдохнуть в парке, в желании уединения забредши в его глубь. Супруга с волосами, пронизанными артэонской сединой, пока ее любимый лежал, заложив руки за голову, мечтательно всматриваясь в проплывающее облако, готовила небольшой пикник. Аккуратно нарезала клубничный торт, когда неожиданно из-за деревьев перед ней возникла улыбающаяся Селина, полным детской радости взглядом будто спрашивая: «и что это вы здесь делаете?» усевшаяся рядом. Пожилая артэонка видя себя молодую в представшем милом чуде пригладила ее раскрашенные пряди, ответно расплылась в улыбке и угостила Селину кусочком торта. – На маленькая, кушай, – с улыбкой и умилением добавила она. Вернувшись к друзьям, бредущим по дорожке, предложив им растекшийся по пальцам клубничным кремом кусочек торта, она всех дико рассмешила. «Даже боюсь предположить, где ты его взяла!»; «Попрошайка, блин!» – посыпались комментарии подруг. – Но ведь мой Плюшечка же будет тортик. Ну, хоть кусочек, ну пожалуйста, – когда все посмеялись, в шутилой мольбе пристала она к верному Хьюго. Дав ему обнять себя, уперев кусочек в его губы. Конечно стесняясь в присутствии Роина, он все же, как и всегда по жизни неизбежно подчинился глупости Фиалки, глубоко вздохнув во взгляде на нее наполнившись любовью и от нее же усталостью.

Смеясь вместе с прелестной проказницей, которой заслоненный от друзей подождавших чуть отойдя вперед, Хьюго под ее хихикающую похвалу доказывая верность в несколько укусов тортик быстро съевший, губами собрал крем, растекшийся по любимым пальчикам, увенчанным ноготками, украшенными цветной зелено-оранжевой карамелью маникюра. В итоге губами измазанным сладким кремом к таким же измазанным сладким пальчикам просто прислонившись, позабыл он про ждущих друзей Роина и все на свете, глядя в небесную синеву глаз застывших в оцепеневшем ответном взгляде. Разгорающуюся детским вожделием сцену вынужденно прервал подкравшийся сзади Джейсон. Вздернув как пушинку, здоровяк взял

напуганную таким поворотом Селину на руки и вопреки ее хныканьям до выхода из парка на землю опускал. – Извините моя принцесса, я выполняю приказ, – все, что он мог сказать под ее печальным упрекающим взглядом. В своей обиде милая-премилая, надувшаяся как ребенок, она лежала у него на руках пока Кристина салфеткой из пакета с остатками пикника теперь оказавшегося в руках у Роя на ходу вытирала ей руку после торта. А Алекса чуть отставшая вместе с Хьюго, перед протиркой салфеткой сначала увлажнила парой поцелуев его губы.

На метро, а после немного по улице пополненные Роином друзья добрались до своей восьмизэтажки где-то в срединных кварталах южной городской периферии. Типичный для этого района пятиподъездный вытянувшийся в бок от главной улицы дом горчичного цвета. Как и полагается в первых уровнях на стенах красуются межэтажные изогнутые волною молдинги, угловой руст, облицовка плиткой ярд на ярд, инкрустированной позолоченным легким металлом, сплетающим несложные узоры. Вход в подъезд накрыт выступающим из стены лучковым сандриком подпертым полноценными колоннами хоть и миниатюрными. Ребята остались ждать у формального крылечка, а Хьюго с Селиной бегом вошли внутрь. Воспользовавшись моментом, Кристина мягко и тихонько рассказала о сложной судьбе семьи Селины. Ее отец и три старших брата были солдатами, в течение пары лет один за другим все они погибли при исполнении, оставшись где-то на диком юге навсегда. Овдовевшие две ее мамы (да у Селины их было две, потому как в их обществе, где количество женщин превышает мужчин было нормальным солдату ввиду физической мощи иметь несколько жен), все еще переживая последствия стольких травм часто где-то гуляют, стараются себя как-то занять, мало бывая дома. И, к сожалению, в таких условиях, квартира Селины, в основном всегда в полном распоряжении ребят. Поэтому они организовали там комнату, в которой пока Роин сможет пожить. Со слов Кристины велевшей ему даже не вспоминать о былой свободе их город, строившийся по плану, возводился с расчетом на некий лимит жителей, который пока не достигнут и в окраинных кварталах еще полно пустующих квартир и даже целых неиспользуемых этажей, поэтому по поводу будущего жилья новоиспеченному армидейцу можно было не париться. Но Роину сейчас стало не до этого. У него мир переворачивался в голове. Изначально в силу угнетшего опыта встречи с артэонами, представшими в лице солдат при исполнении, подсознательно он увидел всю их глобальную общность как высокомерных местных шовинистов, прячущихся от мира за карантин, и общение с доктором Тамарой никак не развеяло в нем этого фонового восприятия. А сейчас наоборот, проникшийся жалостью к Селине, он возненавидел окружающий мир, своими ужасами наносящий урон этим невинным существам.

Селина и Хьюго не заставив себя долго ждать, осторожно вышли из подъезда, неожиданно для нового друга выведя на поводке огромного пса. Своеобразный зенненхунд только необычно огромный, массивный медвежьей комплекции, черный с белыми пятнами, пушистым висящим хвостом с собачьей пружинистой грацией топя огромными лапами, вырвался на улицу полный дикой радости. Проигнорировав желающих погладить его девчонок, он прямоком рванул к взбудоражившему неизвестным запахом Роину замершему в страхе на неизвестного зверя глядя. В Стране Волка собак не было, что сделало резкое появление четвероногого друга да еще таких размеров ошеломительным сюрпризом для него. Переполненный впечатлениями он как-то совсем не обратил внимания на бродящих здесь повсюду кошек, разных собачек играющих с детворой.

– Ройчик не пугайся это Шатун, наш песик, – представила его своим детским голоском Селина. Роин замер как вкопанный пока его жарким носом упершись в пах внимательно вынюхивал смотрящий в глаза мохнатый гигант, который на четырех лапах был ему выше пояса. – Это тот бандит, о котором переживала Селина. Погладь его не бойся, – призывала Кристина, голос которой четкий командный с положенной женской ласковостью на фоне лепетания подружки звучал гласом разума. Переборов страх он погладил пса по лбу над коричневыми добрыми глупыми глазами, ответившего ему завилявшим хвостом. Как пояснила Кристина,

с должной осторожностью, этот лохматик по своей внутренней сути был номаком подобно Роину. Ему также не требовалась пища, он не ходил в туалет, все, что ему было нужно это доза специального эликсира раз в неделю смешанная с кормом. Родство с собакой Роина конечно заметно покорило. Несмотря на то, что соблюдение прав животных у подконтрольных людей артэоны строго контролировали, солдаты, возвращающиеся с дикого юга, то и дело тащили с собой различных измученных истощенных братьев меньших, которые проходя процедуру «номаризации-стерилизации» становились здешними домашними зверушками.

– Номаки не исчезли бесследно, они живут с нами в наших домашних животных, наших лучших друзьях, не дающих нам растерять человечность, – пока Рой по наставлению Селины чесал пса за обвисшим ухом, пояснила Кристина. Шерстка пса была ухоженной расчесанной мягкой приятной, черный положенный ошейник, с биркой сообщающей об имени, по ремню фломастером был изукрашен разноцветными цветами, сразу делая понятным, у кого из друзей он живет. Уделив внимание шерстистому дополнению компании друзей, Рой больше чем на пару секунд задержавший на Селине отягощенный взор, заглянул в ее синие ответно посматрившие на него глаза. Увидев детскую невинность и искреннюю доброту, наполнился жалостью и сопереживанием к этому воплощению красоты, ко всему ее взрастившему прекрасному обществу, лишь представив боль потери родных, через которую эта малышка прошла. Сейчас в оставшемся мире увидев одно большое уродливое чудовище, ждущее за стенами Армидеи.

Сняв любимого медвежонка с поводка после его знакомства с Роином, они двинулись дальше. Лохматый бандит, полдня просидевший дома тут же унесся вперед терроризировать отдыхающие улицы, везде суя свой нос, все нюхая, облизывая, заставляя взвизгивать прохожих, с удовольствием вступая в игры с встречающейся детворой. При спуске в метро, однако, его снова пришлось вернуть на поводок. Они двинулись к Золоченому порту, туда, где город, растекшийся неправильным полукругом на запад юг и север, практически по ровной линии с восточного своего бока обрезаемая частичкой великого Северного океана. Отгораживающая Армидею по суше внешняя стена, не останавливаясь, уходила в воду на добрую сотню метров двумя фрагментами на севере и юге завершающими протяженную городскую границу с океаном. Фрагментами, не теряя в высоте возвышающимися над идущей волнами темной пучиной, упирающимися в вырастающие из воды великанские конические башни. Башни сужаясь, в своих вершинах вытягивающиеся стальными шпилями громадных мачт, увенчанных просторными марсовыми площадями, по краю овитыми леерным ограждением. Выполняя скорее декоративную функцию, вдоль краев этих башенных марсовых площадей на высоте десятков метров несли дежурство часовые в золотящейся броне якобы присматривающие за водными подступами, совсем крошечные, если смотреть на них снизу. Защищающая город со стороны океана Восточная стена, отгораживая портовую набережную, в высоту уступающая сухопутной основной ограде, в ширину от нее не отставала. Высящаяся на десять метров, разбивающаяся на прясла башенками, увенчанными наблюдательными площадками укрытыми куполами, она пестрила бойницами, щетинясь стволами размещенных на своей вершине артиллеристских орудий, всегда пребывающих в состоянии боевой готовности.

Купание здесь было запрещено, все организованные для этого пляжи располагались за городскими границами. В тишине и безлюдности Восточной стеной ограничивалась насыпанная выложенная каменными блоками, украшенная ночными фонарями, высящимися на отлитых художественными изваяниями чугуновых столбах, набережная без ограждения, за обрывом которой сразу морская глубь билась недовольными вонами о камень вторгшегося в нее искусственного нагромождения. В дополнение к фрагментам великой стены, выходящим в воду с севера и юга отчерчивая границы акватории порта, от завершающих их мачтовершинных башен параллельно протяженной набережной тянулся волнолом. Массивной стенообразной конструкцией скрытый в темени вод здешнего океана, на поверхности он выступал только зубчатой своей вершиной, о которую действительно ломались волны. Не сплошная зубча-

тая линия несколько раз прерывающаяся пробелами для прохода редких судов простиралась на километры вдоль огромного города, защищая территорию порта не столько от волн, сколько от незваных порождений океанских глубин.

Здесьшний немногочисленный, можно сказать символический военный флот замер пришвартованный прямо к линии набережной небольшими группами распределенный по ее протяженности. Бронированные золотистой сталью молчаливо раскачивались на волнах благородные фрегаты, галеоны в дополнение к сложенным парусам оснащенные боковыми гребными колесами. Никаких торчащих труб для дымоотвода от работы двигателей или следов других технических вкраплений контрастирующих с парусами в конфигурации этих судов не просматривалось. Здесьшние технологии – в случае необходимости двигающие гребные винты кораблей – основывались на магии, на волшебных берущихся физически из ничего энергиях. Самые многочисленные в армидейской флотилии оснащенные пластинами носовых таранов триремы, также по бокам дополнены гребными колесами, но только в данном случае отстегиваемыми; в боевом состоянии с трюмами забитыми пехотой они были способны в случае необходимости быстро переходить на весельную греблю. Без развертывания необходимых трапов попасть на возвышающиеся корабли было невозможно, в основном законсервированные они пустовали, хотя с некоторых палуб доносились голоса и звуки передвижений. Глупый Шатун гонял с места на место стаи здесьшних прикормленных чаек, надо полагать даже и не помышляя о добыче, просто получая удовольствие от процесса.

Вдалеке сплошной полосой закрывая горизонт, белесым косматым исполинским хребтом над водной гладью простиралась Стена Тумана, искусственно созданная, раз и навсегда изолировавшая Преферию от остального мира. В своей похожей на туман субстанции, натуральной стеной окольцовывающей молодую желанную для многих землю Стена скрывала жуткое зло, не пропускающее никого, воющее по ночам. Кусок Северного океана отграниченный жуткой туманной Стеной омывающий берега окружаемой Преферии, шириной в несколько миль назывался просто – Соленая Миля.

У внушительных главных ворот в Восточной стене – Морских ворот города – по центру портовой набережной кажущейся бесконечной вытягивался широкий пирс, шагая по которому можно было прогуляться по океану, хоть как-то проникнуть в его черные пределы. Ведь вопреки любви артэонов к соленым просторам никаких гражданских судов, даже элементарных прогулочных лодок здесь не было предусмотрено в принципе. Представленный кусочком Соленой Мили здесьшний темный океан, будто отвечая на немой вопрос, откуда-то из беспросветных далеких глубин разразился протяжным безликим стоном одного из своих чудовищных обитателей, напоминая о скрываемой опасности. Шатун пугливо прижал уши, взволнованно глядя на своих разумных друзей и ребята, будто его послушав, решили долго на пирсе не задерживаться.

Побродив по набережной, подышав морским ветром под крики чаек, показав это все Роину, восхитившись и умиротворившись вместе с ним, ведь, к сожалению, оказывается, здесь давненько не бывали, друзья далее решили двинуться в центр, в самый большой армидейский парк аттракционов. Где прокатили своего нового друга, на чем только можно, заодно вспомнив детские годы, насмеялись и навизжались сами. Разумная Кристина типа уже взрослая естественно вначале предпочла остаться в стороне, но хихикающая Фиалка при поддержке Алексы все-таки затащила ее на карусель, дав вкусить детской радости, которую потом было не оставить.

На Золотой Площади – главном месте праздничных собраний жителей города, пустующей сегодня. В одном из повсеместных здесь белых фургончиков, в котором услужливый Сфер общающийся механическим голосом обслуживал всех желающих, раздавая сладкую вату, прочие вкусы и сладости. Кристина решила взять попкорн и газировку. Лучиком из глаза, за секунду исследовав появившееся в окне раздачи лицо, назвав ее полное имя – «Кристина

Деморк 109 873», Сфер добавил: «Посещение кафе доступно еще два раза в этом месяце». Обернувшись, глядя на стоящего позади Джейсона, она удивилась: «А что теперь приобретение сладостей на улицах приравняли к посещению кафе?». Джейсон пожал плечами. Понимая, что теряет пропуск в кафе, ограниченный восьмиразовым месячным лимитом Кристина решила заказать по полной, в дополнение к попкорну газировке и мороженому на всех также взять гамбургер для Роина.

– На, почувствуй себя артэоном, – насмешливо сказала Алекса, передавая ему гамбургер в упаковке и увесистый пластиковый стакан. Роин откусил сложный бутерброд, через трубочку зафиксированную в крышке стакана отпил темной неестественного вкуса газировки, так и не поняв юмора. – Не бойся, мясо ненастоящее, как и вся наша еда, – пояснила жующему Роину Кристина. Все необходимое начиная от еды (кроме овощей и фруктов), заканчивая сталью для нужд армии, в Армидее искусственно с помощью магии создавалось, выращивалось в промышленных масштабах, в грохочущей исходящей из башен труб болезненными зелеными испарениями производственной зоне в сердце города, на работающих под наложенными чарами конвейерах, при помощи Сферов.

В целом на поблескивающей золотом главной в городе площади, где ребята спонтанно остановились перекусить, было мало что интересного. Впечатляли, конечно, ее размеры, ансамбль сложнокомпозиционных орнаментально распределенных по ней фонтанов, величественно-грозный памятник воину-защитнику вздымающийся по центру, но особого смысла здесь задерживаться надолго не было.

Алекса и Фиалка устав от жары, перешептываниями за спинами друзей заранее сговорившись, по пути к спуску в метро чуть отстав, бегом залезли в окраинный из фонтанов площади, дав пляшущим струям воды облить себя, хихикая как идиотки. Недовольно поставив руки на пояс, уже не глядя на Фиалку, Кристина взглядом обвинила в предательстве блондинистую красавицу, той оставалось, только смеясь признавать вину. Символическое летнее одеяние Алексы намкнув, плотнее обьяло ее божественное тело, обозначив очертания интимных подробностей ее идеальной груди, так что даже у избалованного Хьюго сердце застучало быстрее, не говоря уже о диком Роине. Подняв их единящие плащи, скинутые на золоченую брусчатку, Кристина как можно быстрее заставила их вылезти и прикрыться. Хохочущие довольные своей глупостью, виновато опустив глаза, они естественно слушались. Джейсон, тоже взбудораженный увлажненной красотой, подхватил свою блондинистую богиню любви на руки, заставив визжать; мокрая посмеивающаяся запахнувшаяся в плащик Селина была согрета в объятиях Хьюго.

Пару раз встретив своих приятелей, аналогично пестрыми компаниями возникающих на пути, здороваясь, ребята из-за наличия Роина старались как можно быстрее от них и их предложений на этот вечер откеститься.

На закате они оказались в самой сердцевине города как физической, так и административной. На Лунной площади, у ЦентрЦитадели – видневшейся из всех краев городских джунглей возвышающейся на пятьсот метров громадной башни за своими серебриющимися стеклом стенами в просторных кабинетах собравшей все местное правительство. Отсюда шло управление артэонским городом-государством и подконтрольной ему людской Калиссией, уже через год с небольшим Кристине предстояло стать одним из здешних менеджеров. Внушительная возвышающаяся Цитадель обязательная для посещения туристами из других уголков артэонского мира, в основании разрасталась высящимся просторным павильоном Музеем Армидейской Государственности, овалом вытянувшимся с севера на юг. С боков от овала музея отрастали просторными галереями с ним соединенные ровные прямоугольники дворцов. Восточное архитектурное нагромождение вмещало под своей крышей главный храм здешнего Духа Аркея. Западное дворцовое крыло вдоль стен топорщащееся пинаклями, в углах прорас-

тающее полноценными башнями вмещало рабочие покои здешнего правителя, где велись приемы всяческих важных гостей, прочие официальные мероприятия с его участием.

Здешний Дух Аркей в глазах смертных персонифицировал себя с луной (ведь было неизвестно, как на самом деле выглядят эти всемогущие существа и выглядят ли вообще), поэтому символикой ночного светила пронизывалось архитектурное оформление его главного храма. Этой же логикой объяснялось и название центральной площади кольцом шириной в пару сотен метров из мелкой брусчатки приятного оттенка искусственной (но не отличимой от настоящей) бирюзы окружающей конструкцию Цитадели. Сама Центральная Цитадель в прослойках камня разграничивающих полосы стекла бесконечных кабинетов, в своем высотном куполе со шпилем отливает темно-голубоватым цветом. Плиты, облицовывающие сердцевину фасадов трехкорпусного основания, из которого она произрастает, также лунно-голубоватые инкрустированы серебристыми узорами, изображающими три основные фазы луны в растительном оплетении.

Гуляя по кольцу Лунной площади, по внешнему краю ограниченному метра четыре в высоту стеной изолирующей источающую нездоровые испарения из леса своих возвышающихся труб производственную зону, в основном уместенную под землей. Они хотели догулять до ночи, чтобы в свете луны площадь оправдала свое название, засияв на брусчатке древними рунами, волшебными самоцветами и их узорами в облицовке массивных трех комплексов основания Цитадели. Но поняв, что из-за набежавших под вечер облаков луны не будет видно, решили просто подняться наверх. Подобно туристам через музей войдя в величественную Цитадель, пустующую в нерабочее время как сейчас, на специальном лифте вознеслись они на самую вершину, оказавшись на своего рода чердаке этого громадного строения. Где коридор, идя по краю этажной толщи изолирующий основную часть чердачного технического помещения за закрытыми редкими дверьми, вел к многочисленным остекленным эркерам. Ребята, решив долго по коридору не брести, выбрали выпирающую обзорную площадку в западной стене. Сердце боязливо подошедшего к стеклянной перегородке Роина защемила головкружительная за ней начинающаяся высота, обнажающая завораживающую панораму, очаровавшую дикаря до потери дара речи. Уже смотревший на мир с невероятной высоты сейчас в отличие от открывшей подобное зрелище вершины преодоленной гряды Волчьих гор в полной безопасности тепле спокойным взором он мог представшим видом насладиться.

Далеко под ногами осталась крохотная при взгляде отсюда половинка кольца Лунной площади, куда, оказывается, попасть можно было только на метро. Потому как далее шла ограждающая ее от остального города также видимая половинкой своего кольца, чуть прикрытая зеленеющим быстро растворяющимся смогом производственная зона. В надземной части максимально сжатая, представленная вершинами шахт пароотведения, дымящими трубами, глухими корпусами цехов; всегда грохочущая ударами и звоном стали на фоне неутихающего производственного гула, зона, закрытая для посещения. Дальше за вступающей границей линией канала распростерлись западная южная и северная части засыпающего города – выверенная концентрация разнящихся в высоте разнообразных зданий, пространство меж которыми приправленное зеленью местами разливалось в парки блестящие зеркалами прудов. И далее за городской стеной – покрытая зелеными лесами Северная Половина. В последних лучиках заката где-то далеко на юге Роин увидел белеющие снежными вершинами родные Волчьи горы и их восточные отроги, перетекающие в холмы единым целым подобно стене закрывающие от мира диких людей. Где-то там прямо по курсу на западном побережье «севернополовинной» части Соленой Мили в тени могучих лесов простерлась Белокаменная земля, в границах которой раскинулась противопоставленная СБК, и даже географически противоположная выросшей в сердцевине восточного артеонского берега Армидеи и окружившей ее по суше Калиссии. В наступающем мраке горели раскиданными точками света маленькие городки различных прочих артеонов населяющих Арвланду, зажатые между двумя сверхдержавами. Также

свет источали многие города окрестной Калиссии разросшиеся до внушительных размеров. Все это зрелище в атмосфере воцаряющейся ночи, грядущего сна, хоть небольшого покоя, внушало Роину умиротворение вопреки головокружению от нереальной высоты. В итоге во время спуска вниз Джейсону даже пришлось взять его под руку, бледного, но счастливого.

В мрачнейших сумерках окруженные густой тенью неповторимые глаза Кристины разгорались карминовым огнем на фоне белизны лица. Белоснежка в обрамлении мрака, с наступлением темноты, будто погружающаяся в свою стихию, выступающая гидом эта красавица попутно что-то о городе рассказывающая не убирала с губ исцеляющей улыбки. Улицы освещались фонарями, различные общественные здания подсветкой стен. Сама себя в ночи освещающая ЦентрЦитадель с подножия купола своей высотной крыши испустила врезавшиеся в облака двигающиеся лучи прожекторов. В ночной тишине, когда на улицах осталась в основном только сидящая компаниями молодежь, ребята решили посетить местное подобие магазина одежды. Коим для них оказалось отдельно стоящее двухэтажное остекленного фасада здание, двери которого естественно были закрыты. – Армида, привет я Кристина Деморк 109 873, – подойдя к закрытой двери коснувшись рядом с которой стены здания, сказала сливающаяся с темнотой красавица.

«Армида» была самой настоящей системой управления городом. Когда он только строился по отточенной «технологии» в жертву была принесена пожилая разумнейшая артэонка чья душа была заточена в специальном механическом теле, ставшим его быющим сердцем. Что делало Армидею – названную в честь той принесенной в жертву артэонки, – в прямом смысле слова живым городом. Здешний единый разум управлял всеми городскими механизмами, процессами производства в промышленной зоне, выступающими рабочей силой Сферами. Также имеющему душу городу было не страшно время; здешние здания не могли обветшать, естественно разрушиться, стояли, не требуя ремонта как снаружи так и внутри. – Прости что так поздно, – обращалась к здешней системе управления Кристина. – Просто с нами Роин, ну ты в курсе. Ему сложно, он стесняется всего, поэтому мы решили его переодеть ночью, когда никого нет. Впусти нас, пожалуйста. – Замки, щелкнув, открылись, двери отварились сами собой. – Только в данный момент идет пополнение ассортимента, – предупредил женский механический голос из замурованной в стену аудио решетки, которые имелись здесь повсюду. – Понятно, – улыбнувшись, Кристина ответила заботливой Армиде. – Мы быстро!

Оставив модницу Алексу снаружи в надежных объятиях Джейсона связанного «приказом» Кристины ребята вошли внутрь, а то иначе рисковали бы застрять в салоне приобретения надолго. Просторное помещение по ширине разбитое на ряды протяженными напольными двусторонними вешалками, заполненными новой одеждой на любой вкус, вдоль стен обставленное полками с обувью, перебиваемыми входами в примерочные залы, в присутствии незапланированных посетителей автоматически частично осветилось. Процесс пополнения товара выглядел ожидаемо: силами Сферов выстроившихся в ряд на расстоянии пяти-шести метров, новинки гардероба, передаваемые из одного телекинетического поля в другое, от подсобки до вешалки в зале пролетали сами собой, развешиваясь на плечики. Стараясь не мешать этому процессу пройдя в мужскую секцию в дальней от входа половине зала, ребята быстро подобрали одежду для Роина. Облачив его в черные классические брюки, такие же туфли, клетчатую фланелевую рубашку навыпуск, сверху прикрыв все это положенным темным плащом. В зеркало глянув на свой новый облик Роин не смог сдержать стеснительного смешка. «Да, блин» – раскрасневшись насмешливо прокомментировал он нового себя, хотя в действительности, как внешним видом, так и удобством вещи ему понравились, но сам себя в них он увидел огородным чучелом, вернее глупым дикарем напялившим на себя одеяние белых людей. Видя, что он стесняется девчонки подобранным облачением и им преображенным новым другом, увиденным по-новому довольные, при поддержке Хьюго, как могли, пытались словесно успо-

коить. Своего удовлетворения и даже радости из-за преобразования Роина не скрывая, называя его «новоиспеченным армидейцем».

Сорвав несколько яблок и кучу мандаринчиков в одном из подблочных городских садов, под звуки гитары и песни, местами доносящиеся из глубин пройденных улиц, ребята забрались в дебри случайно в малознакомой части города обнаруженного парка. Где отыскиали для себя подходящий каменный столик, окольцованный аналогичной неподвижной скамьей, решив допить последнюю оставшуюся полдня с собой носимую бутылку вина. Слабый свет фонарей оставшейся в стороне дорожки парка, слабо проникая сквозь лиственные благоухающие кроны, освещал лишь силуэты. Селина села рядом с Хьюго, Кристина расположилась на коленях Джейсона, а Алекса дав себя по-дружески обнять, аккуратно составила пару Роину. Облака рассеялись и в небесном подсвеченном луною мраке засияли звезды, о которых после длительного наслаждения взглядом вдруг заговорила Алекса, назвавшая их единственной бесспорной красотой в этом мире доступной каждому. Роин сидящий с ней рядом, теперь чувствующий себя знающим все и обо всем, почему-то вдруг решил поинтересоваться, знает ли она что такое в действительности звезды. Чем загнал красавицу в тупик и, поняв, что натворил тут же начал извиняться и оправдываться. Мальчишки прыснули смехом на озадачившуюся блондинку глядя, за что Джейсону прилетел шуточный подзатыльник, а Хьюго нежнейшей ладонью просто закрыли рот.

– Алекса прости я... – понимая, что выставил ее глупой, всполошено оправдывался Роин не понимающий как так вышло.

– Тихо! – отмахивалась она от него, с заинтересованной улыбкой глядя в небо. – Звезды... блин, – сама едва сдерживая смех, скрипучим голоском протянула она. – Я их люблю но никогда всерьез не думала что они такое... Ну не знаю... это светлячки прилипшие к этому черному чему-то? – специально она вызвала безудержный всеобщий смех. – Какой бред!.. Светлячки!.. – не мог остановиться Джейсон, Кристина сама так смеялась, что не могла с ним ничего сделать. – Ну, давай Рой, ты же начитался книжек, блесни знаниями, – просмеялась Кристина. – Извините, – все еще переживал он. – Скажи! – не отставала властная обладательница горящих карминовым огнем глаз. – Ну... звезды это солнца других миров...

Малышка Селина зевая и задремывая на ходу, перебралась в объятия Джейсона, которым вознесенная на руки, привычно на них уснула, к мощному торсу прильнув. Роин, за руку ведомый Кристиной, следом за ребятами вошел в подъезд их дома вдоль стен обитый убаюкивающим темно-зеленым полиамидом. Усталый зелеными махровыми коврами. В их присутствии осветившийся настенными светильниками в зеленых плафонах. Дом был оборудован лифтом, но ребятам в нем не было нужды – они жили на третьем этаже, вернее на втором ярусе (не считая Хьюго которому приходилось подниматься на два этажа выше, что со слов его любимых красавиц было полезным для него). Квартира Селины – стандартные армидейские двухэтажные хоромы. На первом этаже простирается огромная гостиная, резной древесной колоннадой от нее отделяется продолжающий общее пространство зал, упирающийся во внешнюю стену с окнами под потолок, за собой скрывающую просторный балкон. В боковых стенах гостиной скрыта кухня, вторая ванная и подсобные помещения. Жилые комнаты и спальни расположены на втором этаже, куда ведет металлическая винтовая лестница.

Оформление представшей гостиной было специфическим. Потому как в приглушенном свете центральной люстры взгляду открылась самая настоящая оранжерея. Всех оттенков цветы и разнообразные цветущие комнатные растения, рассаженные в горшки, размещаются на полках хитросплетенных напольных подставок расставленных парой закольцованных рядов, по специально натянутым нитям извивающимися стеблями тянуться к высотному потолку, который по переплетающимся прутьям овивают тоже. Благоухают, свешивая свои стебли с подвесных кашпо и ваз, стоящих на консолях заполняющих пространство стен. В деревянных ящиках вдоль низовья стен и на подоконниках целыми мини грядками растут морковь, перец,

помидоры черри и прочие овощи ягоды и специи. Заполняя ощутимую сердцем здешнюю пустоту растительная жизнь, свила свои благовония в оригинальный коктейль, приятно наполняющий данное жилище.

Стены коридора второго этажа оклеены обоями краской размалеванными в желто-зеленую вертикальную полоску, местами дополненную еще детскими рисунками Селины. Ее маленькая на фоне пространства первого этажа комнатка на потолке расписана ночным серебрящимся звездами небом с луной, по центру размашисто растекшейся на три основные фазы. Обои на стенах, продолжая ночную небесную тематику и общую картину, на себе изображают облака, будто подсвеченные потолочной луной, в промежутках меж которыми все также серебрятся звезды. Шпонированная древесной наружности мебель. Углами тройки зеркал высящийся трельяж занимает центр левой из боковых стен, в краях которой расположились два маленьких шкафика. Слишком широкая для нее одной кровать, изголовьем приставлена к торцевой стене с правого бока от окна закрытого коротенькими темно-синими в уровень с подоконником шторками. И как проявление ее странности, выпадая из общего интерьера – половину правой боковой стены до изножья кровати занимают два огромных сундука, будто прямиком из сказочного замка. Окованные позолотой, они, как и положено использовались для хранения вещей.

Аккуратно с затаенным дыханием дабы не разбудить, Джейсон уложил Фиалку на ее кровать. Кристина подобная матери тихонько укрыла любимую малышку одеялом. Алекса сообщив, что смертельно устала, осторожно улеглась с ней рядом, удовлетворившись краешком широкой подушки; пристроившись под просторное одеяло, укрывшее беспробудно спящую подругу, на прощание она заставила Роина чмокнуть себя в щечку. Шатун завалился в свой мягкий лежак у окна, отделенный тумбочкой от изголовья кровати любимой главной своей подруги (хозяевами своих домашних животных артзоны себя не называли). Гостиничная безликая комната, приготовленная для Роина, была через стенку от Селины. Все ему показав, шепотом попрощавшись, ребята быстренько вышли. Кристина, закрывая дверь весело улынувшись, послала на прощание воздушный поцелуй, на что Рой, опустив глаза со стеснительной улыбкой, ответил благодарным за все кивком, чуть согнувшись в поклоне. Наконец оставшись один потряхиваемый от обилия эмоций и впечатлений сдавив руками кружащуюся голову, он уселся на постель, протяженно выдохнув с беспокойным сердцем. Плохо понимая, что вообще сейчас происходит в остатке чувственно пришел он к выводу, что вопреки полной непонятности для разума «не укладываемости в голове» происходит что-то прекрасное дальнейшим развитием вызывающее интерес, вовне отразившееся полной теплоты улыбкой приятно исказившей привыкшее к чертам уныния лицо. С этой улыбкой утопая в воспоминаниях прошедшего дня, едва ему стоило завалиться в мягкую ароматную постель, как сон пришел незаметно быстро.

Открыв глаза, когда стрелки механического будильника на тумбочке подообрались к половине одиннадцатого, недолго полежав, из коридора он услышал шаги, затихшие возле двери им занятой комнаты. В приоткрытую щелку увидев, что он не спит, смеясь, придерживая руками прижатого к груди забавного енота, Фиалка вошла внутрь. В светло-розового оттенка неглиже, поцеловала его в щечку в приближении дав почувствовать свой фруктовый грейпфрутовый этим утром аромат, представив «енотика» как Джерри. Привставший в постели Роин забавляясь, погладил «такую странную собачку» в ее руках, в ответ с подозрением глядя, енот своей лапкой крепко ухватил его за указательный палец. Спасением от странного енота не заставил себя ждать дружелюбный Шатун, прибежав облизавший Рою все лицо, во время ответного поглаживания по лбу вывалив язык обдающий горячим дыханием, очевидно уже вернувшийся с утренней пробежки, как обычно прошедшей в компании Кристины и Джейсона. Алекса, с мокрыми после душа волосами, в шелковом длинном халате на голое тело, недо-

вольная ранним пробуждением из-за Фиалки; войдя с закрытыми глазами, поздоровавшись, прилегла на спину рядом с быстро пододвинувшимся Роином зажатым в постели, сообщив, что: «лежала бы так и лежала, если бы не всякие». Роин, подыграв ей откинувшись на спину, тоже закрыл глаза, сообщив, что тоже с удовольствием еще поспал бы. – Сони! Как же вы можете спать, когда на улице такой день, такое солнышко, – замяукала своим голосом Селина, с улыбкой упрекая друзей и воспевая воцарившийся день. Действительно день на улице был солнечный ясный, и надо полагать очень жаркий.

Селина отвела Роина в ванную ополоснуть лицо после сна, убедившись, что он обучен пользованию благами цивилизации и не запутается в кранах с холодной и горячей водой, оставив его одного. Омыв лицо бодрящей холодной водой, глядя перед собой на подзеркальной полочке он обнаружил походную шаветку (выбранную наиболее привычной для него, позаимствованную у отца Кристины), крем для бритья и бальзам после. На панели керамической раковины за краном стоял специальный шампунь для бороды, лежали ножницы нескольких размеров. Обстоятельно припертый к стенке, он усмехнулся забавляющей безвыходности. Приложив старания, избавившись от излишней растительности, впервые за годы увидел свое настоящее лицо и даже как-то завис в зеркало на себя глядя, будто сам себе о своей молодости напомнив.

Уютную кухню молочно-белых тонов, концентрирующую атмосферу безмятежного утра наполняли запах кофе и сладкого теста прожаренного до аккуратной корочки отягощенный приятным дымком, еще витающим постепенно выветриваясь в приоткрытое окно. Стандартные подвесные и продолжающие их напольные кухонные шкафы, покрытые просторными пластиковыми столешницами, размещены вдоль боковых стен. Угол занимает довольно технологично выглядящая плита венчающаяся плоскостью с четырьмя спиральными конфорками, внутри себя скрывающая духовой шкаф, работающая на здешней волшебной энергии, включаемая и выключаемая заклинаниями плакат-подсказка с которыми висит на стене у входа. Технологично выглядящий холодильник и моечная раковина блестящая нержавеющей. Прямо под окном, сверху дополненным собранной складками рулонной шторой вытянулся прямоугольный столик из древесного полимера. Естественно смущенному, поэтому затащенному Селиной за руку здесь Роину предстояло познакомиться с двумя ее мамами и еще двумя кошками.

Зеленоглазая мама Летиция, высокая, с коротко стриженными окрашенными пепельными волосами, в пеньюаре красно-золотистой гаммы, источая радушие, вышла на первый план поприветствовать нерешительного гостя. Чтобы размыть всякие неудобства она следом за формальностями знакомства крепко по-матерински обняла его, затем представив свою «малышку» – вторую маму Миру. Облаченная в утренний цветастый халат, являющаяся чуть более взрослой копией Фиалки, отличаясь от дочери только русым цветом волос, всегда молчаливая, но очень любвеобильная она ничего не сказав, не вставая из-за стола, приветственно кивнула и сдержанно захихикала глядя на Роина, о котором уже была наслышана. Алекса сидела напротив Миры, попивая кофе. Ребята расселись за столом. Шатун, стуча когтями ворвавшийся в кухню, что-то полакав из своих чашек в углу, завалился под стол, спокойно выступая ковриком не возражая, когда девчонки ставили на него освобожденные от тапочек ноги. Рыжая в полоску и дымчатая кошки умываясь, лежали на подоконнике у открытого центральной створкой окна. Завтракать предстояло еще горячими залитыми темным золотом кленового сиропа оладьями с домашней выращенной в здешней гостинной черникой.

– Обожаю когда вы дома, – поведала маме Летиции крутясь на кухне занимающейся завтраком радостная умиротворенная Алекса, после того как перед ней оказалась тарелка с аппетитным красиво оформленным содержимым.

– Солнышко я-а-асное лучи-ится. Утро све-е-етом золоти-ится, – прибывая в чудесном настроении, мама Летиция садясь за стол после подачи завтрака, в ответ пропела не без издевки глядя на красавицу блондинку.

– Согласна: утро просто чудесное, – изображая нежелание связываться со странно себя ведущей хозяйкой дома выставленной в таком свете давно известной душевнобольной Алекса опустив глаза на тарелку и беря в руки вилку, внутри прилагала максимум усилий, чтобы сохранить адекватность и не проронить улыбки. Роин, забавляясь аккуратно за происходящим наблюдающий, понял, что подобные наполненные домашним уютом завтраки в этих стенах бывают нечасто.

С еще сырыми после освежившего душа волосами Кристина все также в черном, жарой принужденная к короткому летнему платью, воздержавшись от колготок, сменила ботинки на сандалии ремешком оплетающие ногу до колена. Сверху прикрытая длинным положенным плащом, на гладкой глянцевитой ткани которого были выдавлены абстрактные узоры, в завершении завтрака возникнув в дверном проеме кухни, предложила ребятам сходить на «их полянку». Селина такому повороту обрадовалась, а Алекса увидев у появившегося следом Джейсона за спиной рюкзак, понимая, что выбора нет, тяжело вздохнула. Облачившись в белое платье-сарафан расшитое подсолнухами, положенный пока черный длинный, но только из прозрачной легкой ткани плащ, Селина на радостях побежала наверх, будить, разумеется, еще спящего Хьюго. Алекса зайдя к себе, облачилась в открытый купальник-бандо зеленый в сиреневую полоску, джинсовые шортики, шлепанцы, сверху прикрывшись более легкой как у Селины вариацией плаща, как и прежде предельно короткой. Спустившийся следом за мажорной Селиной буквально выдернутый из постели сонный измученный жизнью Хьюго и не очень довольная Алекса увидев друг друга рассмеялись, поцеловавшись, взяли за руки. Роин заметил, что из-за отсутствия бороды отношение девчонок к нему изменилось в лучшую сторону, в их глазах в дополнение к дружелюбию открытости загорелся приятный интерес, особенно это касалось Селины, наталкиваясь на его присутствие теперь перестающей быть привычной собою ощущимо зажимаясь неловкостью. Даже мальчишки отметили, что так он стал походять на молодого парня каким, по сути, и являлся.

Из восьми ворот во внешней городской стене, распределенных по всей ее протяженности, четвертые центральные выводящие на запад специально для решивших погулять горожан были открыты на протяжении дня. Пройдя через подземный тоннель, идущий под территорией военных, через помпезный зал для встреч официальных делегаций находящийся в его центре, ребята вышли к воротам номер четыре. На темнеющей бронзе их исполинских створок насечкой из золота складывалась композиция цветочного узора. В основной своей конструкции плотно запертые, выход в окружающий мир они открывали составлявшими свою сердцевину двумя маленькими дверцами. По бокам огромного коридора завершая подземный тоннель прорезающего внешнюю стену на пути к воротам, рядами замерли здешние громилы пограничники, в золотистой броне по краям наплечников и гребнями на шлемах украшенные острыми шипами, вооруженные щитами и копьями, профессионально застывшие с каменными лицами.

Могучая внешняя стена, оставшаяся за спинами сложенная из идеальных каменных кубов желто-серой гаммы, в высоту достигала двадцати метров. Через трехсотметровые промежутки разбивалась на пролеты тянувшимися выше башнями увенчанными чашами открытых наблюдательных площадок. Отсекающая городские пределы громадина неприступная в размерах, уже не внушала гостю армидейцев благоговейного восхищения, теперь воспринимаясь им как просто часть того искусного величия что за ней скрыто.

Изнывая от жары, ребята двигались через трехкилометровый пустырь здешней эспланады, идущий вдоль всего сухопутного периметра города. Вся растительность в пределах данного отделяющего Армидею промежутка была выжжена, уничтожена. Безжизненность оставленного пустым и голым пространства искусственно поддерживалась, специально чтобы защитники города могли заранее увидеть любого, решившего приблизиться без разрешения. Предшествующая великим стенам распаханная взрывами пронизанная золой и пеплом земля,

окружившая друзей, пестрила торчащими повсюду обугленными пнями, еще дымящимися воронками от последних учений стерегущей город артиллерии. Втягивая тяжелый отягощенный гарью стелящийся здесь миазм девчонки, опустил головы, прикрывали нос и рот руками. Растянувшись по отсыпанной щебнем тропинке петляющей в обход воронок от взрывов все шли молча, торопясь миновать пропастью отделяющее от остального мира город вынужденное неприятное его преддверие.

По единственной здесь проложенной идущей с запада дороге, от друзей оставшейся в стороне, через мертвый тянувшийся трехкилометровой полосой пустырь в город возвращалась колонна солдат. Армидейцы использовали в военных целях измененных при помощи магии животных – зверогбридов. Коренастого даже приплюснутого телесного строения в высоту достигающие семи метров облаченные в золотистую броню туры,двигающиеся колонной, тащили на своих широких спинах артиллеристские установки, кузова в которых тряслись солдаты. Разросшиеся рога быков-великанов были грозно украшены стальными шипами. Издалека увидев коллег нежеланно вспомнив о бремени службы, Джейсон идущий последним остановился, моментально оцепенел, опустил голову, обреченным взглядом уставившись в землю, что тут же заметили друзья. – Идем дорогой, ты сейчас дома, со мной, – взяв за руку, потянула его Кристина, стараясь заглянуть в припавшие к земле невольно грешные глаза. – Все хорошо, – сама заметно сдерживая слезы, шептала она, в своих объятиях заставляя его идти дальше, обращаясь с ним будто с психически ущербным которым внешне он стал, глубоко уйдя в себя. Заставив прильнувших к заботливому Хьюго омраченных Алексу и Фиалку вздрогнуть, шагающая вдалеке огромными поднимающими пыль копытами грозная колонна, протяжным стоном армидейского боевого рога поприветствовала солдат пограничников бродящих на вершине городской стены. Роин проникаясь эмпатией, улавливал суть происходящего с растерянным опечаленным взглядом, в неуместном облегчении для себя и сочувствии к новым друзьям понимая, что дружелюбный немногословный здоровяк Джейсон действительно, участью солдата как каторгой отягощен.

Наконец они спаслись от жары в душистой тени уже всюю цветущей Аламфисовой Пущи следом за жуткой контрастной эспланадой образующей преддверие Армидеи. Этот волшебный лес был создан луноликим Духом Аркеем как подарок своим артэонам, изюминка которого заключалась в растительной палитре вопреки всему пестрящей всевозможными цветами под мощными густыми соснами. В вечной тени от плотного полога игольчатых ветвей, под ногами здесь зеленела густая мягкая трава, цвели фантастические цветы, разноцветные кустарники, не видя солнца сами источающие тепло и свет, полноценно оценить который можно было только ночью, когда эти сказочные дебри освещались разнообразными оттенками. Внешние границы этого леса тщательно охранялись, всем посторонним, в том числе и гражданам Калиссии вход сюда был запрещен.

Взяв Шатуна на поводок, чтобы он не раскопал норки каких-нибудь местных «грызунчиков», под сплетающиеся трели десятков видов населяющих Пущу в теплое время птиц, друзья аккуратно двигались по тропинке. Джейсон, ведущий пса на поводке, желая побыть один, брел далеко впереди; гуляя и никуда не торопясь, девчонки с подачи взбалмошной Фиалки, детское жизнелюбие которой сейчас всем пришлось очень кстати, по пути решили «поиграть в мюзикл». Хьюго осознавая масштаб надвигающейся катастрофы, посмотрел на Роина, взглядом прося прощение за всю ту глупость, что последует далее. Селина следуя по тропинке пританцовывая, принялась петь обо всем, что видит: о солнечном дне, прекрасном лесе, не всегда в рифму, все придумывая на ходу. Девчонки помогали ей, где с рифмой, где со словами. В своем мюзикле они высмеяли ворчуна Хьюго, отблагодарили Роина за начатую дружбу, хихикая, упомянули мрачность Кристины не вписывающуюся в окружающую зелень даже с учетом тени Аламфисовой Пущи укрывавшей их своим пологом.

«Их полянка» представляла собой сокрытый в красочных утопленных в тени дебрях луг, пестрящий обилием цветов, своим ковром окружающий чуть скорчившийся дуб, одиноко возвышающийся по условному центру. Селина сбросив положенный плащик (зная, что его подберет верный Хьюго), задрав ассиметричную юбку сарафана, поднимая в небо стаи разнообразных бабочек, по тропинке побежала вперед, догонять дразнящего ее Шатуна, наконец, снова отпущенного с поводка. Джейсон, пришедший первым, в тени дуба расстелил клетчатый плед, положив на который вынутую откуда-то из глубины принесенного рюкзака мудреную книжку Кристины. Мрачного вида красавица, во главе оставшейся компании друзей пришедшая под дуб, первым делом уняла свое переживание по поводу состояния возлюбленного крепыша, ожидающего чуть в стороне от постеленного пледа. Кончиками пальцев коснувшись щек к себе склонившая его лицо, приятно им обнятая шепотом она осведомилась о его самочувствии. Привычно обхвативший свою любовь ниже талии и оторвавший от земли, поднявший ее лицо на уровень со своим, с отражающей успокоение и восстановленную расслабленность улыбкой он шепотом удостоверил ее, что все нормально, попросив прощение за свой «провал». Она радостно улыбувшаяся не замедлила с любовным поцелуем.

Алекса скинув плащ и шорты, оставшись в купальнике сопровождаемая взглядами мальчишек, чем приятно удовлетворенная, взяв все необходимое, отправилась загорать. С подачи своей мрачной королевы Джейсон, достав из рюкзака складной лук и несколько стрел к нему, предложил парням пойти немного «развлечься» стрельбой. Роин рожденный в семье уважаемого охотника, умеющий обращаться с луком, но оружия не любящий, согласился ради приличия. Хьюго, вздыхающего не понимающего что он делает здесь, вместо того чтобы зависнуть в Инфосе, Кристина чуть ли не в приказном порядке заставила отправиться с мальчишками. Селина поскакала собрать цветов для венков на всю компанию, Кристина, оставшись одна в тени дуба, наконец, смогла спокойно почитать.

Мальчишки дошли до мертвого, все еще стоя искривившегося на окраине луга остова кедра, на истыканном стрелами сером стволе которого была вырезана мишень. Джейсон, развернув, привел в свой складной лук состояние готовности, представив который как ЛС-2 (лук складной, модель вторая, хоть это была и спортивная версия, но от боевой ее мало что отличало), дав его попробовать Роину. До этого имевший дело только с примитивными деревянными, если так можно сказать моделями, используемыми в Стране Волка, Роин до потрясения удивился этому произведению артэонской цивилизации. Легкий невероятно прочный из металлопластика вдобавок складывающийся до состояния легко переносимой безделушки он действительно впечатлял. – Наши луки, они все складные. Типа сложил, убрал в чехол на пояс и забыл, – пока Роин рассматривал лук, пробовал натяжку его тетивы, пояснял Джейсон. – Поэтому ими у нас вооружены все пехотинцы. А вот у СБК луки не складываются так и носятся по старинке за спиной, зато оснащаются оптическими прицелами, приспособлениями для стрельбы несколькими стрелами разом, – найдя того с кем можно этим поделиться тихо и спокойно говорил немногословный здоровяк. – Круто, – поддерживал разговор Роин.

– В наших рядах все, начиная от рядового третьего класса, имеют право на ношение трофейного оружия, и все ребята в основном выбирают СБКашный лук. Он мне тоже нравится... но я... не рядовой третьего класса и не... никто, в общем, – Джейсон, казалось бы, на ровном месте опять застыл в пугающем ступоре. Едва вспомнив о службе, будто внутри, в сознании провалившись в пропасть, в немом шоке глазами полными ужаса он замер в одной точке. – Джейсон, все нормально? – испугавшись за него, пытался заглянуть в его поблекшие глаза Роин. Хьюго тоже взволнованный, уже поглядывал в сторону Кристины, в метании размышляя: не пора ли ее звать. – Да... нормально, – двинув глазами, придя в себя, поспешил успокоить натянутой улыбкой Джейсон, вопросом вырванный из погружения в какие-то свои кошмары. – Просто воспоминания со службы... если это так можно назвать... они порой накрывают... и... – запинаясь, дрожал в голосе он, шурясь будто в боли. – Извини, такого больше не повто-

рится... Ну что... давай постреляем? – как-то виновато улыбался он на тягостном вдохе. Хьюго сам отправился к дереву, чтобы подносить выстрелянные стрелы. Джейсон и Рой принялись соревноваться в точности скорости и дальности стрельбы. Сказавший что не любит стрелять Роин, оказывается, обращался с луком не хуже профессионального армидейского пехотинца. Джейсон аж засиял от счастья, наконец, найдя себе интересного соперника. В итоге разгаром их состязания стал спор – кто больше попадет в яблочко при условии удаления от цели, в котором проигравшему предстояло прокатить Хьюго на закорках обратно к дубу.

Пока мальчишки нашли развлечение где-то в стороне, Кристина решила собрать женское совещание в тени дуба. Фиалка была отправлена привести Алексу, что естественно вылилось в беготню по лугу. Раззадорившая подругу Селина, водой зачерпнутой в руки из здешнего ледяного ручейка прервавшая ее процедуру загорания теперь убегала, визжа, умоляя криком Кристину спасти от Алексы. Кристина настроилась на серьезный разговор, а они, прибежав, свалились на плед, где обрызганная водой Алекса стала щекотать хулиганку, заставляя ее визжать и заливаться смехом. По просьбе Кристины терпеливо выждавшей они успокоились, тяжело дыша, с разлохмаченными волосами уселись на пятки напротив нее, приготовившись слушать. Кристина решила попросить своего рода прощение у Селины за то, что привела Роина в их компанию. Селина естественно ничего не поняла. Алекса тогда объяснила, что у Кристины есть Джейсон, у нее от безысходности Хьюго, а Роин тогда, получается, достается Фиалке.

– Ну! – Селина нахмурила бровки над смеющимися ясными глазами. – Быть может, он еще влюбится в какую-нибудь другую девочку? – мечтательно лепетала она, радостная за своего нового друга, который теперь с ними, в безопасности. – Глупая, – снова объясняла ей Алекса. – В ближайшее время одной из нас неизбежно предстоит окончательно погрузить его в «нашу любовь», – в намеке дернула она бровями. – Он хороший парень, замечательный, но не артэон, тут нужно быть осторожнее. В общем, смотрите Селина-Фиалка не влюбитесь, во всяком случае, не сразу, – шуточно предостерегла Кристина. – Я полностью ее контролирую Крис, все нормально, – Селина, на секунды избавившись от детской наивности доброты в глазах, ответила не своим голосом, обдав подругу синим холодным взглядом.

– Может, я возьму на себя эту миссию? – Алекса поинтересовалась у своей королевы. – Глупышка ты моя, – перейдя на нежный тон, любящим взглядом горящим темным пламенем Кристина буквально гипнотизировала свою Алексу, заставляя ее таять, лишая сил вымолвить хоть слово. – К тебе привязан Хьюго. Солнышко мое, ты в его жизни... тот самый лучик света, без тебя он просто потеряется. Тут такое дело: наш глупенький Роин, скорее всего, влюбится в ту, которая откроет для него сладость любви по-артэонски. Мы идем по краю, нужно быть осторожными, – все предостерегала Кристина. – Да ваше высочество, – млея, с удовольствием соглашалась любовно загипнотизированная Алекса. – Мне кажется, мы должны были ему помочь, раз у нас появилась такая возможность, натурально спасти. Таким образом, сделав действительно хорошее дело, – опустив глаза, решила высказаться Кристина. – Лично мне это было очень нужно... Из-за Джейсона. Чтобы хоть что-то можно было противопоставить его грехам, – насупившись, закончила шепотом едва слышно она. – Да понятно Кристиночка, мы как бы и не против, – Селина придвинувшись, поцеловала и обняла опечалившуюся подругу. – Вернее совсем, вообще не против, – мурлыкала своим голоском она. – Все наши солдаты грешники, – сурово высказалась Алекса пытаясь растворить неведомые ей согрешения Джейсона на общем фоне и так успокоить свою любимую Кристину. – Тише, не надо, – с глазами наполненными слезами, грозящими нарушить черное окружение макияжа, с мольбой попросила ее успокоиться Кристина, прижимая к себе малышку Фиалку которой нельзя было знать подробностей того насколько ужасен этот мир. Алекса почувствовав себя виноватой, как маленькая надув губки, сама едва не расплакавшись, прильнула к подругам, крепко обняв свою мрачную королеву, прижавшую ее к себе второй рукой.

Девчонки, наплакавшись потом над собой же посмеявшись, сплели всем венки из белых пушистых маргариток, сами ими украсившись, а Хьюго вернулся к дубу верхом на Джейсоне. Селина принялась одаривать мальчишек цветочными венцами. Не описать, как скривилось лицо украшенного цветочной диадемой Хьюго, до последнего молящего «безжалостную Фиалку» не одевать ему на голову «эту штуку». В итоге нелепый (в его понимании) венок поверх неряшливых волос ему компенсировало пленительное общество Алексы. Девчонки разложили поверх постеленного пледа сладости и фрукты разлили по граненым стаканам вино, организовав небольшой пикник. Селина и Роина тоже угостила кусочком пастилы из своих пальчиков.

Вернувшись в город уже вечером, друзья решили продемонстрировать Роину последнее из чудес их мира и отправиться в некий Замок Ветров, где проводить закат. Все островки артэонской цивилизации, как правило, были связаны друг с другом телепортами. Благодаря постоянной телепортационной связи, фактически объединенные в единое изолированное от остального мира стенами пространство, артэоны ломая расстояния, могли моментально перемещаться между своими городами и селениями где бы те не находились. Используемая технология телепортирования была создана артэонскими магами по фактически инструкциям Духов, что делало ее уникальной и невозпроизводимой для других. Многоэтажным зданием практически сразу за Морскими воротами города возвышался главный телепортационный вокзал Армидеи, связывающий с остальным артэонским миром, постоянно принимающий туристов из всех его уголков, открывая такие же возможности для армидейцев. Но имела место еще и система малых телепортов разбросанных по районам города, связывающих с различными отдаленными труднодоступными местными локациями. Открывая для армидейцев двери из улиц города напрямиком на внешние северные и южные пляжи, пестрящие романтическими названиями площадки для кемпинга в далеких глубинах лесов, прочие затерянные облюбленные места для отдыха.

Городские станции телепортирования были организованы подобно своим тескам с линии метро. Все такой же спуск под землю, только вместо скромненькой платформы полноценная пилонная станция, разбитая на три зала, в дальней стене которой горят волшебные двери. Ярко-белое бурлящее внутри себя энергетическое лоно светящееся, но не слепящее, заполняло собой проемы высотных арок сросшихся со стеной. Две арки в боковых залах отделенных рядами прямоугольных колонн работают на отправку, более крупная их вариация в центре дальней стены – на прием. Вечером, уже отдохнув, горожане текли потоком из центрального портала, катя рядом с собой велосипеды, неся облегченные рюкзаки за спинами. Вопреки встречному потоку друзья вместе с Роином в числе редких романтиков двинулись к одному из двух оставшихся в этот час не у дел отправляющих порталов. Сопроводивший друзей насколько мог Шатун, ненавидящий телепортацию, зацелованный в носик Фиалкой на прощание, все понимая, привычно побрел домой, быстро обретя себе друзей в потоке выходящем наружу.

На фрагменте стены над отправляющими воротами выложенная каменной мозаикой имела рельефная карта Северной Половины с указанием возможных точек телепортации. Подход к издающей пугающий гул арке удерживающей своим камнем ярко-белое клокочущее сосредоточие энергии, преграждает турникет-шлагбаум своей длиной перекрывающий ширину отделенного колоннадой зала. Кристина, положив ладонь на хрустальный шар, высящийся на корпусе турникета у стены, закрыв глаза установив связь с чем-то неосознанным, произнесла название условленного пункта телепортации. И ярче засиявшая ограниченная каменной аркой обузданная бурная энергия, усилив гул, едва различимо в глубине своего света завертелась вихрем, незримо открыв волшебный проход. Турникет отворился подобно шлагбауму. Девчонки успокаивали Роина как могли, говоря, что ничего опасного в телепортации нет, и даже отправились вперед, показывая пример. Но все равно, оказавшись у грани клокочущего света

неведомых врат, не ощущая ни тепла, ни холода, ни запаха в их близости Роин услышал, как у него застучали зубы. Не успел он толком испугаться, как подтолкнутый сзади был затянут телепортирующей материей, вслед за едва уловленным тоннелем среди света, на той стороне оказавшись вытолкнутым в темное сырое подземелье. С кругом идущей головой он свалился на колени. После того как его тело было рассыпано на мельчайшие частицы, переправлено, а потом снова собрано за доли секунды, чувствовал себя мягко говоря странно, ощущая свои внутренние органы как что-то тяжелое и инородное, вдохом неприятно расширя легкие. Чужеродность наполнения организма и головокружение быстро прошли и окруженный друзьями, в лице девчонок улещивающими, что все нормально и со временем подобное станет привычным, он двинулся дальше за ними следом.

Судя по выщербленным потрескавшимся стенам, поросшим плесенью, ими образуемым черным жутким коридорам, освещаемым световыми кристаллами в держателях на стенах, они оказались в глубине заброшенного древнего замка. Слава вселенскому разуму, здесь чуть ли ни на каждом углу заботливо были развешены карты древнего строения и указатели путей, что ощутимо спасало от давки стен старого подземелья. Со слов Кристины когда-то эти катакомбы являли тайную резиденцию одного из бывших королей людского севера, на костях которых сегодня воздвигнута Арвллада. В возрасте насчитывающее сотни лет строение и поныне возвышалось на вершине скалы на берегу Соленой Мили, в северной окраине ее западного берега. Родная Армидея осталась где-то далеко, в сотнях километров на юго-востоке, скрытая за заснеженными вершинами ставших окрестными Гор Северной Оконечности.

Бредя по руинам «Замка Ветров» снаружи колосающимся чахлыми стеблями лебеды, поросшим серыми тощими стволами ольхи, выйдя на здешнюю террасу, в центре которой возвышался полуразрушенный памятник, установленный, никто уже и не знает кому, в освежающем морозном ветре ребята подошли к обнажающему головокружительную высоту краю. За обвалившейся оградой в нескольких сотнях метров вниз в подножии обрывистого склона, о камень неустанно разбиваются соленые волны; приютившая на себе скала излюбленная слоистыми облаками на обтекающем давнюю северную крепость вершинным гребне покрыта запоедным снегом. Далеко внизу на камнях среди воды простерлись, издавая трубные завывания жиром заплывшие белые моржи. Водная гладь здесь в северной окраине на удалении всего мили с небольшим упирается в косматое горообразное нагромождение темно-белой массы Стены Тумана тянущейся непреодолимой грядой отрезающей от остального мира. Самая суть здешней марины – то почему ребята так любили здесь бывать – отсюда, с представшей высоты приоткрывалась возможность за эту так называемую Стену заглянуть, в силу ее близости свободно оценить невероятие скрытого за ней пространства, прочувствовать размах упирающегося в горизонт черного таящего в себе тьму неведомых глубин великого океана.

От приоткрывшейся неохватной дали у Роина перехватило дыхание. Задыхав полной грудью, получая удовольствие от каждого бодрящего холодом головокружительного вдоха в эти мгновения, он созерцал приоткрывающую бесконечность вселенной красоту, после наслаждения которой, казалось, можно было спокойно умирать, с чувством выполненного долга. Застывшее в неподвижности туманообразное нагромождение отделяющей от остального мира призрачной Стены, в вечерней палитре отливая агатово-серым оттенком поверх проступающей черной сердцевины, в приближении своем навеивало ужас хранимым внутри застывшим в ожидании жертв неведомым злом. Но устремляющийся в неохватную за Стеной открывающуюся даль взор, плененный океанского пейзажа красотой, легко ее оставшуюся ниже игнорировал. Ребята, впечатлив Роя от края террасы старой твердыни отойдя, оказались ни единственными в этом месте в это время романтиками: компании туристов, армидейской молодежи и просто отдельные мечтатели окружали с обеих сторон; все они сейчас замерли, с придыханием предвкушая предлагаемое нынешним пейзажем зрелище заката.

Солнце, рыжими мазками окрасив далекую черноту волнующейся подвижной глади, в тишине тонуло за горизонтом. Свободный дикий здешний океан, лишь изредка покоряемый отважнейшими из артэонов, с помощью магии научившимися худо-бедно защищаться от его порождений не мог не отозваться утробным ревом из своих глубин. Пугая рожденными в головах ужасающими представлениями о гигантском нечто, одиноким в своей кошмарности, насыщающем закатную тишину симфонией своих тоскливых стонов. И вроде бы даже где-то в закатных блестках проступило что-то черное собой напомнившее вершину чудовищной спины, хотя, скорее всего это был просто мираж, с огромного расстояния показавшийся на беспокойном лоне.

Резко переменчивая преферийская погода обрушила на ночную Армидею сильный ливень, нестрашный тем из немногих на улицах в это время горожан, кто носил установленные плащи. После эстетического ужина в квартире Селины пока девчонки шумели на кухне, мыли посуду, ребята, сидя на диване в зале, пили коктейли, принесенные Алексой, в своем купальнике прогулявшейся под дождем и казалось все еще блестящей влагой на шелке кожи.

– Алекса моя богиня, – сидя посередине между парнями, воспользовавшись моментом, заговорил Хьюго. – В силу эмоций я схожу от нее с ума и... это, наверное, главное, почему я таскаюсь за этими странными ребятами, – типа пошутил он, но Роина это развеселило. – И это странно... ведь я могу эту ну-у типа любовь заблокировать, это же просто эмоция. Ведь это меня обременяет, натурально уничтожает, заставляя приклоняться, быть таким ничтожным. Мы с ней слишком разные и разумно мне от этого гнета отказаться, обрести свободу, но... столько лет я не могу. И хрен знает, почему... тут ответ лежит за гранью разумного, ведь мы тоже люди.

– Потому что эта любовь настоящая и без нее ты бы давно стал просто овощем, с головой уйдя в Инфос, – тихонько чтобы девчонки не слышали, пояснил Джейсон. – Так Кристина говорит, – оправдался он перед Роином.

– Ну а Селина, а как же она? – ненавязчиво в полном спокойствии решил утолить интерес Роин.

– Это же наш общий любимый Цветочек, – расплылся в теплой улыбке Хьюго. – Я просто ее услужливый верный друг.

– Самое безумное в нашем любовном раскладе, – понизившись до шепота, решил предупредить Джейсон, – что сама наша жгучая блондинка влюблена в Кристину, без шуток, со всеми вытекающими. – Шок от услышанного в голове Роина сменился пониманием. Ведь и вправду Алекса то и дело, ловя момент, сзади кладет голову на плечо своей мрачной королевы, целует лилейную кожу ее шеи, рук, вдыхая аромат волос, подобно Джейсону и Хьюго. Или эти «гипнотизирования» когда Кристине достаточно заглянуть в золотящиеся глаза своей блондинистой подруги любя назвать ее глупой как она буквально начинала таять, беспомощно соглашаясь во всем.

Поскольку из-за наличия Роина всем вместе на пару часиков в Инфосе было не зависнуть и развлечение перед сном пришлось искать в реальности, ничего лучше игры в местную монополию никто придумать не смог. За окном по золоченому отливу бил сильный ливень; под горячий шоколад и зефир ребята пытались увлечься игрой, расселись на полу в комнате Селины, накинувшей на высыхающие волосы капюшон одетого халатика, увенчанный тряпичными кошачьими ушками, умилая собой Роина. Весь вечер не в силах друг от друга отлипнуть, что-то шепча, обмениваясь поцелуями, Кристина и Джейсон извиняясь, первыми ушли «спать». Алекса и Хьюго немного задержавшись, в итоге условившись идти сегодня к ней, также засиживаться не стали. Алекса вслед за Хьюго выпроводившая Шатуна, оставляя Роина и Селину одних, напоследок окинув взглядом неловко замершую парочку, прыснув смехом, закрыла за собой дверь. В комнате Селины, наконец оставленной в покое воцарилась конфузная пауза. Она, на смех подруги в коридоре отреагировав недовольным закатыванием глаз, скинув неле-

пый капюшон с ушками, губки сжав в тонкую линию замерла, дав ему несколько секунд. Роин решил даже не пытаться воспользоваться предоставленным моментом. Эти милые создания приютили его, дали возможность почувствовать себя живым, в его представлении позволять себе лишнего права он не имел. Встав, он пробурчал что, наверное, ему тоже стоит идти спать. – Подожди! – выпалила Селина, даже как-то заметно расстроившись. – Давай выпьем вина? – смотрела она в удивлении расширенными глазами.

Она метнулась на кухню, принесла бутылку, два бокала. Составляющие оставшейся не доигранной настольной игры были собраны и убраны подальше, светить осталась только лампа на ее прикроватной тумбочке. В приглушенном свете сев друга напротив друга все также поверх покрывающего пол мягкого ковра, на фоне стука дождя за окном разлив вино по хрустальным сосудам, заводя разговор, она с разрешения поинтересовалась о тонкостях его отношений с женой подневольной, но все же. – Я же говорил... я... не касался ее. Мой отец как-то избил меня... – печально улыбнулся он. – Мне было уже восемнадцать я, конечно, попытался ответить, но получил только больше от его огромных кулачищ. Избитый я приполз в нашу халупу, она расплакалась, сказала, что тоже устала от этого кошмара, предлагала все это прекратить. Стала раздеваться, но я... только попросил у нее прощение и получил пощечину вдобавок. Да знаю, я идиот, – вспоминая былое, внутренне он обжегся о шипы старой ненависти к себе, в последнее время позабытой, спасительно отглотнув вина.

– Прости, – она естественно не хотела погружать его в тяжелые воспоминания.

– Да все нормально. Я сам во всем виноват... Не хотел быть тем, кем рожден, все мечтал о чем-то. Сейчас я понимаю смысл и плюсы той былой... мм простой жизни, но уже поздно, я уже здесь, – выдал он улыбку, дабы успокоить собеседницу.

– Так ты получается мальчик? – округлив загоревшиеся глазки, только сейчас осознала она.

– Да, получается, – спокойно согласился он.

– Алекса сказала мне ляпнуть что-нибудь вроде: «хочешь попробовать меня на вкус», – произнесла это вслух, она рассмеялась, стеснительно прикрыв рот рукой. Поддержавший улыбкой он смотрел на нее с интересом. – Ведь ты молодой симпатичный парень... твоя жизнь по идее в самом разгаре. Хочешь провести эту ночь со мной, без ответственности, просто ради удовольствия? – наконец смело посмотрела она на него горящими озорством глазами.

Набравшийся мужества оставив бокал на полу, он встал, подойдя, поцеловав эту глупышку в накрашенные красной глянцевой помадой губы, оказавшиеся нежно сладкими на вкус. Она, сорвавшись, тут же засунула язык ему в рот, потянув на пол, запалив в нем сдержанный с ума ее сводящий огонь. Катания в пробных поцелуях по полу, ее истомные стоны и хихиканья в перерывах на прерывистые хватания воздуха, его спокойствие неторопливость и нерешительность эту проказницу распалюющие, едва не снесенная в разгоревшейся страсти прикроватная тумбочка, переросли в размеренное наполненное смакованием действие в ее постели.

Юное артэонское воплощающее произведение искусства тело, гладкое нежное лишенное излишнего волосяного покрова, кожей источающее приятный затягивающий аромат, возбуждающий на время полового акта пробудившимися аккуратными отголосками естественных запахов в нужных местах, снимая все барьеры, толкало к безумным поступкам. Долгое время томящееся внутри неуловимое желание, безумная подсознательная жажда, получив возможность удовлетворения, вырвалась из него мощным напором, заставляя ее сладостно стоять. Да и сама она, разгораясь, вытворяла такое, от чего сердце буквально останавливалось. Несмотря на его неопытность, она не сказала ему ни слова, все нужное передавая взглядом. Долго «играя» с хулиганистой Фиалкой, которая даже здесь умудрялась хихикать, лаская ее безупречное лишающее рассудка тело, в итоге он испытал то самое внезапное удовольствие.

Проснувшись утром под теплым одеялом, согреваясь приятным теплом исходящим откуда-то из глубин человеческой своей души, он долго не хотел открывать глаза. Оставленная ею сладость, испарившись с тела и губ, осадком внутри тледа воспоминаниями минувшего наслаждения. Нахлестывающие волнами впечатления прошедшей ночи были такими светлыми, что казалось, будто это было в прекрасном сне или скорее где-то в раю, но никак не в реальности. Не открывая глаз, он инстинктивно потянулся обнять ее, желая приластиться к ее телу. Сжав вместо теплой Фиалки ее остывшую подушку, пропитанную разнеживающим уже любимым ароматом волос, Роин удивленно открыл глаза, на часах было начало десятого.

Немедленно подскочив, одевшись, он отправился на поиски ее общества, больше всего на свете сейчас желая заглянуть в глубокую синеву глаз. Томящийся взаперти, в привычном ожидании Шатун, до визга обрадовавшийся при встрече, оказался единственным кого он сумел найти. Как оказалось из записки, написанной красивым почерком Кристины, оставленной на столе в кухне, ребята ушли на так называемую смену энергожертвования. Это была обязанность каждого гражданского армидейца – на сутки отдать энергию своего тела городу. Все гражданское население, начиная с восемнадцати лет, здесь было разбито на смены, в составе которых они утром раз в несколько суток стекались в специальные станции энергожертвования рассредоточенные по окраинам промышленной зоны. Где ложились в специальные капсулы, и крепко засыпали, в основном вместо снов разумом соединяясь с Инфосом, а энергия их тел, растекаясь по специальным кабелям-венам, питала город, все его механизмы, кристаллы не перегорающих ламп здешнего ночного освещения и так далее. Так что ждать девчонок, Хьюго и мам Фиалки стоило только на следующее утро. В записке также содержалось извинение друзей за то, что не разбудили и нормально все не объяснили, потому как Роин слишком сладко спал. Естественно было указано, что вся квартира в его распоряжении и то, что Джейсон как солдат, избавленный от необходимости жертвования энергии, спит у себя в квартире, поэтому можно пойти и разбудить его, познакомиться с его домашними, или подождать: в такие дни он всегда просыпается ближе к часу дня. Не получив общества Фиалки, отягощенный не осмысливаемой пустотой внутри все заволакивая давящей на сердце он печально посмотрел в окно, за которым в серых тонах залитая дождем улица отражала состояние в которое погружалась человеческая его душа.

Едва он допил кофе, как кто-то постучался во входную дверь квартиры, которая была всегда открыта, и если стучали, то значит, это был кто-то посторонний. Только Роин вышел в гостиную, как дверь отворилась, и внутрь сам собой вошел некто невысокого роста облаченный в черный положенный плащ в тени наброшенного на голову капюшона прячущий лицо. Обитающий в квартире большой черный с белым пес, по запаху узнав незнакомца не раз встречавшегося на городских улицах подбежав к нему, замахал хвостом и, коснувшись носом края его рукава, остановился в ожидании полагающегося поглаживания. – Здравсти. Кто вы? – с долей настороженности поинтересовался Роин. Вместо ответа плащ темным потоком волшебного стал стекать с незнакомца, чья фигура в ходе этого процесса стала увеличиваться в размерах, вытянувшись свыше двух метров. Роин чувствуя в своих недрах инородное, но приятное тепло, протекающее к нему через пространство исходя из внезапного гостя, смотрел на происходящее с легким удивлением уже безо всякой настороженности.

В итоге черный волшебным образом уменьшающий плащ стек полностью, обычной материей свалившись на пол, а у двери замер высокий гладко лысый, облаченный в красного цвета опускающийся до земли хитон и оригинально в черную водолазку под которым, некто очевидно более чем просто смертный. Телесно не молодой, но и не старый, кажущийся человеком лет средней зрелости, в облике своем таил он тень усталости, внутренней изнуренности долгой жизнью, сразу ощутимой для подсознательного восприятия. – Привет Рой, – располагаясь улыбнувшись, гулким раскатистым голосом сказал вошедший, погладив топчущегося рядом Шатуна. – Я Кратон Краус, правитель Армидеи. – В качестве доказательства в голове Роина

моментально, будто силой вытянутая из глубин памяти встала картинка, где он сидит в кабинете Тамары, на стене которого сбоку от ее рабочего стола висят погрудные портреты ее высших начальников. Беловолосая женщина, сияя желтизной глаз, чуть улыбается в генеральском кителе, а рядом с ней красуется здешний верховный правитель – этот самый Кратон Краус, сейчас будто сошедший с того настенного изображения.

– Я вас помню, – согретый внутри пьянящим теплом расслабленно произнес Роин.

– Вот гулял по улицам, как обычно обходил город и решил зайти познакомиться, – стоя у дверей глядя своим разумным мягким всееляющим расположением взглядом, пояснил законодатель моды на золотые глаза. – Осуществляете проверку? – расплылся в улыбке Роин. – Да можно сказать и так, – тоже улыбнулся он. – Провожу еженедельную ревизию, а то из Цитадели всего не увидеть, сам понимаешь.

– Проходите... дом не мой...

– Я знаю.

– Но предложить вам пройти на кухню я думаю, могу.

Усадив правителя за стол, будто уменьшившийся в его присутствии, Роин налил себе и ему чаю, для этой цели взяв одну из самых больших имеющихся кружек. – Ну, обо мне ты знаешь достаточно, – отпив чая, начал правитель. – Да, как и об истории Армидеи, – подтвердил Роин, садясь за стол напортив правителя.

Традиционно артэонскими обществами управляли Светореи – кровные дети надевающих костюмы людских тел, для временного отдыха очеловечивающихся Духов от смертных покоривших красавиц. Наследовавшие частичку силы богоподобных отцов, под своей плотью скрывающие нечто неизмеримое, Светореи в свое время стали прообразом для создания артэонов. Вместо артэнсферы в центре их груди горела светосфера в дополнение к телесному совершенству дающая невероятные возможности, теоретически равные силе Духа, но здесь все упиралось в хрупкое людское повиливающее дарованной мощью сознание, не всегда способное ее обуздать, познать. Были среди артэонских правителей и великие создатели, и просто обычные смертные. Кратону было уже больше четырехсот лет. Взявший под опеку маленькое артэонское племя, поселившееся на берегу Восточной Соленой Мили в живописном месте, сейчас он управлял разросшимся неприступным городом-крепостью, население которого исчислялось миллионами. Калиссия и вся эта игра в свободное общество с подконтрольными людьми официально была его идеей. За свою жизнь переживший десятки красавиц жен – обычных смертных артэонок, сейчас он был окружен гаремом из пяти прекраснейших армидеек, самой молодой из которых было двадцать два. Вот что представляло то достаточное, что Роин знал о правителе.

– Да, я можно сказать главный архитектор Армидеи, – опередив отделенного столом попивающего за компанию чай Роина, ответил на еще незадаанный им вопрос правитель. – У меня не было выбора. Тебе ведь ведома наша история? – изначально представший улыбки-вым преисполненным вселенским равновесием вдруг стал холодно серьезен он. – Начав изгнание людей, военные стратеги СБК не предусмотрели нашу безопасность... – произнося факты официальной истории, он почему-то опустил глаза, сухо как-то пусто произнося слова, – допустив ошибку. Ища себе тихий уголок, мы забрались слишком далеко. Считалось, что мы всеми забыты, никому не интересны, и никто про нас не знает, но... люди тогда оказались не так просты. Остатки войска одной из бывших людских стран нашего ныне севера, узнав о смерти своего короля и разгроме столицы от рук СБК, решили отыгаться, отважились уйти красиво. В отместку они атаковали нас, тогда полностью беззащитных. Я в то время учился за океаном, был студентом в одном из университетов Райноны, ведь мне следовало быть самым умным, много знать, чтобы достойно заботиться о своем мирном племени, – вспомнив милые первые годы, ошутимо отягощенный своей участью правитель проронил легкую улыбку.

– Зная, что воины СБК придут, со смертью смирившись, те люди специально мучительно убивали тех за кого был ответственен я, не жалели никого, ни артэонок, ни артэончиков, – чуть приподняв брови во внутреннем примирении с глупой формой преданной словам, чуть разбавил он тяжелую ноту. – А я в те страшные мгновения где-то за океаном просто спал в комнате студенческого общежития, – высотный статный контролирующий себя произнес он, лишь немного омрачив взгляд старой скорбью. – Когда СБК все-таки подоспели, спасти удалось лишь несколько десятков из почти двух сотен тысяч. Остались только те, кто сумели хорошо спрятаться, чудом выжить в пожаре, уничтожившем былую деревню. Немедленно прибыв, увидев одни руины, с болью обнимая выживших, – опущенные глаза его чуть сузились в укор к самому себе, – я поклялся, что больше жертвами мой народ не будет... И вот спустя сотни лет появилась Армидея, как логичный результат ошибки СБК... Политики СБК. Ну и как тебе этот город? – В адекватной компании высотный Кратон проявил свое истинное лицо, глаза которого под грузом власти, бесконечных остальным неведомых проблем были наполнены глубинным сожалением по поводу всего происходящего.

– Вы же сами все знаете... – все понимающий и чувствующий Роин почти заставил его улыбнуться. – Вы читаете мысли?

– Вижу внутри вас функционирование того что люди называют душой. Разными красками в моих глазах сияют ваши внутренние миры. Распознавая текущие внутри чувства, эмоции, я с легкостью прогнозирую формирующиеся мысли... В тебе я вижу предпосылки того самого что своим светом способно наполнить жизнь смыслом, если все сложится благополучно. Она особа взбалмошная и сложная лишь с виду, в действительности чувственная и любящая всех, весь этот мир, – упомянув Селину, правитель в лице приятно мечтательно засиял, долю шутивого сочувствия проронив во взгляде, устремленном на Роина, очарованного подразумеваемой прелестницей. – Будь мудрее и умей отличать детское безрассудство и глупость от черствости и жестокости. Разумность есть способность абстрагироваться от эмоций, это сложно, если ты не артэон, но вполне возможно.

– Спасибо, – незримым воздействием правителя временно избавленный от разросшейся острыми иглами непонятности в эмоциональных недрах Роин получил возможность спокойно задуматься, глаза отведя в сторону.

– Так значит, город тебе понравился? – правитель явно к чему-то подводил разговор.

– Вы создали что-то неописуемо прекрасное, – теплым импульсом из недр оживился Роин. – Ведь только здесь за этими стенами в полной безопасности от того бреда что царит снаружи, могла распуститься вся эта красота, покой. Я рад, что оказался здесь, безумно благодарен за то, что дали это все увидеть, прочувствовать. Спасибо вам, спасибо вам за все, – в окончании неловко улыбнулся он, понимая, что Кратон и так все видит, но считая долгом озвучить всю эту очевидность.

– Но когда мы были просто артэонами Аркея, все было еще прекрасней, проще, легче. Не было ни армии, ни солдат своими смертями омрачающих дом. А сейчас все стало слишком сложно. Став полюсом силы мы неизбежно притянули к себе тысячи проблем, встав на пути у соперников. И теперь невольно участвуем в решении судьбы пусть и не мира, но Преферии уж точно, – поделился правитель застоявшейся на сердце тяжестью.

– Все это было необходимо, как я понимаю... Зато... теперь по улицам вашего города гуляют вот такие вот Фиалки. Свободные и счастливые, – в стеснительных рамках растекающийся сиянием человеческой души Роин, собой радовал уставшего правителя.

– У меня было много жен, – со стороны просто так начал говорить Кратон, в действительности, улыбочиво начав отвечать на очередной незаданный вопрос, уж слишком очевидный. – Некоторые находили меня сами, некоторых я был вынужден спасать. Имели место и случайные знакомства. Официальные королевы, принцессы, первые лица Армидеи, местные законодательницы моды, в действительности, прежде всего украшения жизни уставшего старика, –

смягчил он признание улыбкой. – Я никого не смел даже подталкивать, они сами выбирали такой путь. А почему их у меня всегда было так много? Ну как ты понял, я не люблю следовать рамкам...

Калиссия, – без особого желания решил он сразу прояснить все интересующие внимательного слушателя моменты. – Тут как раз не все так просто. Считается что это я такой креативный, решил нарушить правила, поэкспериментировать над людьми. Да отчасти это так, но в действительности, как и всякий прямой правитель, я вынужден быть частью чего-то большего... Ведь... рожденные в этом мире мы вынуждены делать, что должны и лишь в промежутках успевать что нам хочется, – тяжело вздохнул правитель, взгляд приковав к предназначающейся ему кружке чая. – Официально у нас здесь речь идет о создании страны свободных людей, свободно торгующих, честно богатеющих, самостоятельно управляющих собой, существующих по строгим разумным законам, написанным артэонами вмешивающимися только там где нужно восстановить справедливость. Без рабства, без королей сводящих все к своему обогащению и величию. Разве это не прекрасно? Это идея, в которую нужно просто верить, держаться за нее и неважно, что за ней в действительности стоит. И раз уж эта «людская страна» мне предначертана, то я должен сделать все, чтобы жизнь ее обычных жителей была как можно лучше.

Как и всякий современный артэонский правитель я, прежде всего блюститель внутренней гармонии, всевышний психолог, видящий людские души своих подопечных сквозь расстояние и стены. Моя задача выявлять в зачатке их «душевные» скажем так проблемы, и созданием благоприятных условий аккуратно не напрямую иногда даже через сны организовывать их разрешение. Ведь со стороны артэонская гармония должна выглядеть нерушимой, – с сарказмом произнес правитель, губы скривив в улыбке. – Мое виденье душ распространяется только на пределы города и что происходит за его стенами меня по идее не должно касаться. Но не волновать оно меня не может, – зная, что Роин все проникает на подсознании, поделился он подробностями тупика, в котором существовал.

– А вовне все артэонское сообщество, к несчастью сегодня разорвано на два лагеря: первые это глобалисты-реалисты, скажем так, а вторые это темные дремучие изоляционисты-отшельники от реальности оторванные. Мы пытаемся жить, учитывая сложные реалии, сражаясь за место под солнцем со всеми вытекающими. А они под давлением эмоций, наплевав на разум под видом благих перемен сами того не осознавая желают все ввергнуть в хаос, в итоге спровоцировать чудовищную катастрофу, о подробностях которой лучше не знать. И в этом противостоянии сильная претендующая на самостоятельность СБК движимая какими-то своими интересами в их достижении пытается использовать тех самых отшельников-изоляционистов, не прямо, но косвенно присоединяясь к их лагерю. Вообще СБК очень смутная держава, я от войны далекий вообще не понимаю, чего они в действительности хотят. Мы и наши союзники с большой земли, мягко говоря, не заинтересованы в превращении Преферии в зону господства такой вот непредсказуемой СБК, что противопоставляет нас им. Калиссия это всего лишь очередное поле битвы между нашими пониманиями всеобщего блага. Это все, что тебе достаточно знать, – бегло обрисовал правитель, взглядом вот уже несколько секунд изучающий задумчиво опустившего глаза Роя, наблюдая текущие в нем эмоциональные процессы, удивляясь клокочущему в нем интересу ко всему этому «закулисию» желанию знать больше.

– В общем, понятно: все сложно, – с легкостью посмеялся Роин над собой ничего непонимающим, заполнив образовавшуюся паузу. Тщательно изучая его взглядом, в задумчивости потирая подборок, Кратон не прерывая своих размышлений, для вида вытянул уголок губ в улыбке. – И да, – в итоге вынужденно вырвался он из своих мыслей. – Фросрей наш маг-хранитель, я так думаю, он должен будет с минуты на минуту объявиться, – поспешил предупредить правитель, поглядев на наручные часы. Роин, совсем не удивленный, прислушался, ведь по идее во входную дверь должны будут постучаться.

– А почему как вам кажется, настоящие маги вот уже тысячи лет не рождались среди артэонов? – неожиданно для правителя поинтересовался Роин.

– Потому что нам достаточно наших, тех, кого силой наделил Дух, – ответил правитель, посмеиваясь над вдруг всплывшим в изучаемом Роине хаотичным непредсказуемым интересом обычно свойственным детям.

– Настоящих магов в мире в принципе мало, – внезапным вмешательством напугал вторгшийся в разговор старческий голос. В фальш-арке дверного проема кухни стоял ожидаемый маг, беззвучно возникший в квартире. Черные волосы обтекают фигуру до середины туловища, свисая ниже пояса вытянутым треугольником сужающаяся борода, в окончании своем увенчана косичкой, чуть смуглая кожа, острые окруженные морщинами глаза, нос с горбинкой. Черная сплошная мантия со свисающим сзади капюшоном из мягкого гладкого материала армидейских плащей, в руке черный легкий собранный из металлопластика посох увенчанный увесистым октаэдром темного мориона. – Артэонские маги, чьим источником силы выступает Дух, для которого выделить магию из своей универсальной богоподобной мощи не составляет труда. Они и так сильны, будучи, по сути, магами-пользователями они не уступают в силе естестворожденным, – с этими словами старый маг, приставив свой посох к стене у плиты в углу, уселся за стол с торцевой стороны. Запах ветра и дыма костров, который обычно исходит от светлых магов, в случае с Фросреем заменял впечатляющий аромат артэонского парфюма; его борода и волосы также были расчесанными ухоженными. Живя среди артэонов, он не без удовольствия следил за собой.

– Роин это Фросрей, наш единственный естестворожденный маг, – с приятельским подколом представил его правитель. Роин встал, чтобы заварить кружку зеленого чая по желанию мага. А Фросрей тем временем поведал, что является хранителем, прежде всего Армидеи. Переступив через все положенные заветы, он наплевал на свою репутацию светлого мага, возложенную от природы ответственность эмоционально привязавшись к этому артэонскому городу поставив его интересы превыше всего остального. В повествовании своем назвал он себя подобным Роину заблудившимся в жизни странником. Когда-то также пришедшим к этим артэонам и среди них встретившим великую ценность, лишившую свободы, дав новый смысл существования навсегда привязавшую. Ради Армидеи в свое время он пролил немало крови на диком юге, взял на себя тысячи грехов и если что, его рука никогда не дрогнет. И не дай вселенский разум Роину сейчас позволить себе хоть что-то лишнее, хоть немного пусть даже невзначай омрачить здешнюю внутреннюю гармонию, то от Фросрея его ничто не спасет. Собственно ради этого предостережения старый маг сюда и пришел.

– Да, разумеется, – полностью был согласен с условиями мага Роин, поставив кружку с чаем под нос которого, сидящий за столом. – Делайте свою работу.

– Но если все будет хорошо, то мы с тобой вполне можем стать друзьями, – тяжестью своего взгляда притянув глаза Роина, сказал в них глядя мрачный маг. – Со своей стороны я для этого не вижу никаких препятствий.

– И что сейчас самое главное Рой, – заговорил правитель. – Жить среди нас значит быть полноценной частью единого целого, то есть приносить определенную пользу обществу.

– Я согласен, полностью. Определите мне какую-нибудь работу, любую, я с удовольствием буду ее делать, – глядя на правителя, горел желанием отплатить за все пользой Роин.

– Фросрей! – Кратон одернул мага, не отрывая от Роина пристального с долей подозрения взгляда затянувшегося сигаретой, непонятно когда у него в руке оказавшейся и непонятно чем прикуренной. – Сейчас мы вообще-то в гостях.

– Ах да, извиняюсь, – маг тут же сжал сигарету в кулаке, другой рукой чуть разогнав выдохнутый дым. – Это все из-за ваших сигарет, – с улыбочивым упреком смотрел он на правителя. – Сидя на них, я дымлю по несколько раз в час и никак не могу успокоиться. Вот и бывает – срываюсь... – Чуть потер он руки, и окурок должный быть в кулаке одной из них

просто забылся. – Нужно возвращаться к трубке, драть глотку старым добрым табаком, – в дружеских тонах говорил он правителю, чуть улыбаясь – Так и... что касается Роина, о чем идет речь? Пусть он жертвует энергию городу сутки через трое, как и все? И спокойно живет.

– Посмотрим, – возмев какие-то свои планы, сверху вниз глядя на Роина, явно что-то недоговаривал правитель. – Ничто не происходит просто так. Придя к нам из маленького примитивного живущего в своем вакууме мирка Роин, определенно принес нам какие-то перемены. Быть может, с его помощью мы снова сможем вспомнить, что есть главное в этой жизни, чего сейчас не видим из-за блеска Армидеи, – метафорично и мечтательно произнес правитель, одарив Роина загадочной улыбкой. – У нас еще все впереди, – произнес он с легкостью, оставив свои размышления по поводу судьбы Роя на потом.

Окончив чаепитие, правитель направился к выходу, а древний маг, чуть замешкавшись за спиной Роина выходящего из кухни, с гулким скрежетом похожим на разрыв бумаги просто исчез. – Не бойся, пугать нас своими внезапными появлениями и исчезновениями для него нормально, – пояснил правитель, одевая свой черный плащ, так и пролежавший у порога. – Ну ладно Рой, мы не прощаемся, – накинув плащ, скрыв лицо под капюшоном, снова уменьшившись в размерах, черной маленькой неприметной фигурой он вышел за дверь, попросив отпустить пса вместе с ним, пообещав, что к вечеру тот сам вернется. Шатун довольный выбежал из квартиры, отправившись оправдывать свое прозвище – шататься по городу, заводить новые знакомства, забавлять собой детвору.

Джейсон, проснувшись, сообщил, что отправляется в спортивный зал, где собирается встретиться с друзьями сослуживцами. В такие дни они всегда идут пить пиво, собираясь в специально отведенных барах, где играя в бильярд, могут проторчать до утра. Разумеется, он позвал Роина с собой, сказав, что ради него готов внести любые изменения в свой выходной, но Рой естественно культурно отказался, отпустив Джейсона привычно отдыхать. Прочитав пару художественных книжек первыми подвернувшихся в домашней коллекции Селины, заполняющей высотные декоративно овитые плющом шкафы, закрывающие одну из стен зала первого этажа, одиноко сидел он на главном в центре этого зала диване; глядя урчащих так и норовящих поласкаться кошек, не оставляя обделенным также жаждущее ласки оставшееся непонятным существо по имени Джерри, с опускающейся темнотой все сильнее ощущая вакуум образовавшийся в материях человеческой души, лишь от одной мысли о ней замирая. Уставший слушать биение отягощенного осязимо раненного сердца в итоге решил он прогуляться. Надев обязательный не обязательный плащ, внешне ничем от горожан не отличаясь, он тихонько побрел по просушенным солнечным днем улицам, загорающимся фонарями. Ловя себя на том, что с замиранием сердца постоянно думает о ней, стараясь о ней не думать, спустя минуты он снова приходил к тому, что только и думает что о ней. В окружающей вечерней тишине и расслабляющем даже пьянящем сейчас одиночестве помня звонкоголосое упоминание привычно улыбавшейся уголками губ Селиной некой звездной комнаты имеющейся на территории их университета, которую имеет смысл посетить как-нибудь ночью, недолго думал он куда пойти. Мучимый жаждой единения с прекрасным сладким нежным олицетворяемым ею, жаждой без удовлетворения приносящей неосоздаемую тягость, преодолев несколько протяженных армидейских улиц, добрел он до университета под названием номером пять, в котором учились друзья.

Над центральным куполом подсвеченного в ночи пятиэтажного главного корпуса храма знаний известного в городе под номером пять уже вовсю разгорелись звезды, хотя закат полоской на крае небосвода еще тлел где-то там за городскими крышами. Свободно войдя на кампус, пройдя мимо комплекса неработающих фонтанов, обойдя главный корпус, он вышел в университетский сад в дни трудотерапии облагораживаемый здешними студентами. Едва скрывшись от света фонарей в желанной темноте, предвкушая увидеть спокойным своим взором любимые звезды, ожидаемого так и не получив, он стал свидетелем того что здесь было принято

называть «высотным геомагнитным столкновением». Сначала чистое небо, с громовыми раскатами в высоте своей налившись неестественной от остальной вселенной отделившей чернотой, заискрило беззвучными молниями, обширно растекающимися, а также мимолетными вспышками. При долгом взгляде временно слепящее ухом не осязаемое в своем процессе небесное искрение, кипящее по всему пространству над головой, продолжаясь пару минут, завершилось финальным аккордом мощной единой вспышки и ударившим с высоты грохотом. И уже следующей стадией во вновь воцарившейся полной тишине все также затянутый неестественной тьмою ночной свод, озарился небесным сиянием. Видоизменяющиеся, сливаясь-разливающиеся обширных размеров пятна холодных оттенков синего застелили почерневший озоновый слой. На оставшейся где-то в стороне городской улице финал небесного представления был встречен шуточными овациями проходящей мимо компании молодых ребят. Сквозь призму своей официальной науки они воспринимали увиденное только лишь как безобидное атмосферное явление. Роин, тоже начитавшийся артэонских все объясняющих книжек, все же помнил мудрости далекого дома, согласно которым эти неприродные атмосферные искажения были гневом вселенной уставшей от их пронизанного сверхъестественным нарушающего все законы бытия мира. Поэтому вопреки зрительной красоте в световых пятнах точащих небесную грань на уровне восприятия видел нечто ненормальное, болезненное, обнажающее глубокую язву их странного уголка вселенной.

Под покровом слабо доносящего свой свет переливчатого небесного сияния видимого в промежутках древесного полога, Роин брел по саду, наслаждаясь растительными ароматами отдающими влагой минувшего ливня. Понимая, что к окружающей хоть и скрытой в полумраке, но осязаемой растительной красоте во время трудотерапии приложили руки его новые друзья, в частности выступающая причиной онемения сердца красавица, он очень аккуратно, придерживаясь тропинки, преодолевал декоративные дебри. Помимо главного корпуса университета продолжался скрывающимися за ухоженными деревьями его сада еще двумя дополнительными поменьше, в высоту по три этажа; также по пронизывающим университетские дебри каменным извивающимся дорожкам можно было дойти до спортзала, теплицы зимнего сада. Но Роин сразу двинулся в здешнюю глубь.

Бредя среди великанских яблонь-роялти и душистой вишни, он вышел на небольшую сокрытую аккуратными деревцами полянку, в центре которой мрачными очертаниями возвышалось необычное стальное сооружение-конструкция. Ребристое, будто сложенное из сужающихся колец окрашенным в золотой цвет конусом оно возвышалось метров на двенадцать. По натопанной тропинке обойдя вокруг в кольцо-основании этого странного сооружения, он обнаружил задвижную дверь. Свободно войдя внутрь, оказался в приземистом широком в диаметре помещении, потолок которого образовывала сплошная выгнутая линза, в которой светом звезд мерцал фрагмент ночного неба. Увиденное над головой было увеличенным изображением отдаленной глазам недостижимой частички звездной карты, захваченным специальным телескопом, расположенным в верхушке этой конструкции и системой линз закрепленных в конусообразном корпусе транслируемым на нижнюю огромную линзу образующую здешний потолок.

Увеличенные во множество раз изображения нескольких далеких солнц на фоне более отдаленной звездной россыпи в потолке-линзе слабым светом пронизывали здешний мрак, давая разглядеть очертания помещения. «Вот она та самая «звездная комната» – сказав себе, он прошел вглубь, расположившись на лавочке стоящей здесь около стены. В окружающем полумраке по центру помещения угадывался круглый стол, заваленный какими-то бумагами, шелестящими на сквозняке, карты звездного неба с нанесенными пометками висели на стене по кругу. Ему крупно повезло, что сегодня эта романтическая обитель пустовала. Завороженно глядя на незнакомые звезды, здесь представленные такими большими и близкими, завлеченный этой вселенской красотой он вдруг осознал, что не думает о ней, немного отвлеченный

от своих разбушевавшихся чувств ощущая облегчение на сердце. Чувствуя, как пульсирующая в телесной сердцевине тяжесть приятно выкипает в эйфорию, он сидел с влюбленной неотрывностью глядя на огромные звезды, потихоньку замерзая в прохладе поздневесенней ночи, закутавшись в плащ, начиная понемногу дрожать.

Напугав его, где-то снаружи внезапно зажегся свет, из проема оставленной открытой здешней двери осветивший «звездную комнату». Роин понимая, что кто-то идет, подскочил, спешно соображая как лучше объяснить свое здесь нахождение. Увесистой быстрой поступью приближаясь к двери с той стороны, в первые доли секунды напугав своим силуэтом, затем, неописуемо обрадовав, внутрь вбежал Шатун, с вываленным языком и улыбчивым выражением морды радующийся махая хвостом. Не успел он погладить пса, как лампа над входом в стылый звезднопотолочный зал зажглась сама собой, и в ее слабом свете появилась девочка с длинными выющимися каштановыми волосами. Одета в классический (темного цвета, свисающий чуть ниже колена) армидейский плащ, зеленое до земли платье под ним, она, со сдерживаемым смехом, рассмотрела с головы до ног застывшего на месте подобно застигнутому преступнику Роина. – Ну, ты и хулиган! Всерьез полагал, что сможешь скрыться тут от нас?! – заходя внутрь детским звонким голосом, посмеиваясь, сказала она.

– Простите... кто вы? – оторопело замерший он заставил ее раздраженно закатить глаза.

– Какая я тебе «вы»? – девочка несогласно наморщилась. – Мне одиннадцать не парься, – улыбчиво призвала к легкости в общении она, не наблюдая никакого адекватного результата. – Блин, как все тяжело-то! Блин да я Аврора! Дочь Кратона, его наследник и будущий правитель... Ну или типа правительница – так наверное правильно? Я наблюдала за тобой сегодня.

– Вы... Ты следила за мной?

Ее это рассмешило.

– Ты что не врубаешься? Я вижу тебя... сияние твоей человеческой сущности вне стен и расстояний, – с присущим недовольством она озвучивала истины, которые по идее должны быть собеседнику известны.

– Но зачем ты пришла сюда? – все еще боялся двинуться он.

– Отец учит меня видеть ваши внутренние миры. Сегодня это было мое задание – разглядеть тебя. И могу сказать... ты тот еще фрукт. Твоя основа сущности она как... какая-то стихия, скрывает в себе много оттенков. Слава вселенскому разуму никакой опасности ты не представляешь, но разве что только для самого себя! – глядя на изученного чудика, издевательски улыбнулась она. – Это же надо, залез сюда на ночь глядя, один и собирался просидеть здесь промерзнуть, пытаюсь... спастись? Ну а как еще сказать. Да дружок ну ты и влип, влюбился по уши! – не могла не смеяться она, на него глядя.

– Мне страшно... – понимая, что разговаривает с той, что видит его насквозь, понурился голову, признался он. Шатун, облизнув его руку напомнив о себе заставив все-таки себя погладить, вырвал из тяжких мыслей. – От одной мысли о завтрашнем дне меня трясет, – печально поведал он, глядя пса по голове.

– Тише, глупый ты что! – Видя, что все серьезно она взволнованно кинувшаяся взяв детину в росте превышающего за плечи как маленького, усадила его на лавочку, сама плюхнувшись рядом. – Не надо ничего себе выдумывать. Пойми, бояться нечего: все в итоге сложится хорошо, ты теперь с нами, мы тебя в обиду не дадим, – успокаивала она его, заботливо и смешливо как маленького чуть погладив по волосам. Понимая, что его такого кабана успокаивает маленькая девочка, он прыснул смехом, она захихикала тоже. – Все будет хорошо, не переживай!

– Спасибо большое маленькая девочка, – чуть стеснительно пробурчав, специально он рассмешил ее. – Но, правда, не стоило ради меня сюда приходить. Я привык сам...

– Тихо! – резко оборвала она. – Никакого больше «сам», ясно? Ты больше не одинок, смиришься с этим. И все замолчи. Раз уж мы оказались здесь, то давай посмотрим на звезды. –

Свет над входом, как и снаружи по ее желанию погас и они оба, усевшись удобнее, устались в здешний потолок. В тишине и его недоумении, хозяйничая, она обняла его руку, тихонечко к нему прижалась. – Я только согреться! – сразу предупредив. Роин едва удерживаясь, чтобы не втянуть аромат ее волос, почувствовал, как истстрадавшийся исток эмоций наполняет приятное тепло, согревая разливающееся по телу, дарующее легкость навеивающую оптимистичный взгляд. Шатун в терпеливом ожидании рядом с их лавочкой улегся на пол.

– Очень красиво, – приятно расслабившись, сказал он о звездах.

– Для меня это прям целое приключение, невиданное развлечение, – призналась она, также не отрываясь от звезд.

– Это твой Свет согревает меня изнутри?

– Да, отдохни немного пока я рядом.

– Твоя жизнь очень скучна?

– Это из-за того что я назвала всю эту нашу глупость здесь приключением? Ну да, – призналась она, вздохнув. – Я же будущий правитель. Все мои дни расписаны от и до. Я учусь, учусь и учусь. Да действительно, это скучно. У меня есть предназначение в жизни. И как следствие ни друзей, ни свободы, вот хоть какое-то разнообразие.

– Постой. Если ты уже родилась, то твой отец?..

– Умирает. Да... Да мы полукровки ну или типа «Светореи» оставляем потомство только когда силы покидают нас, когда наш Свет меркнет. Но это не значит, что после этого мы сразу умираем. Мой отец... он конечно старая развалина, но лет пятьдесят думаю, еще протянет, – позволяющая немного юмора, говоря об этих вещах, не теряла она серьезного вида. – Может даже сто. Чем больше, тем лучше.

– Не хочешь править?

– Да и нет. С одной стороны это так-то круто. Первая леди, упоминание в истории и все такое. С другой. Ты что не заметил?! Я женщина! Существо более сложного внутреннего устройства, вроде как. Как я буду править? То есть лавировать, довольствоваться пределами городских стен, на что-то там закрывать глаза. Я так не хочу. Я вот именно хочу править – что-то менять, реально управлять. И в то же время: вся наша внешняя политика это сплошь война, ну или, прежде всего война. Что, безусловно, пугает. Хотя отец говорит, что нашей Преферии после всей крови, что впиталась в ее землю, не помешала бы мягкая женская рука. Уже сейчас СБКашники зная, что к вступлению на трон готовлюсь я, вообще предлагают отцу внести изменения в гос. машину чтобы законодательно в будущем ограничить мои полномочия.

– Тяжело тебе приходится.

– Да знаешь вообще плевать. С СБК у нас всегда все было сложно.

– И все-таки они прекрасны.

– Ты все о звездах?

– Здесь они представлены такими большими, вопреки расстоянию, – будто опьяневший, едва шевелил губами слишком уж расслабившийся Роин.

– Видимо я перестаралась, – с этими словами Аврора отодвинулась от него. Роин тут же протрезвев в сознании, почувствовал, как приятное тепло из недр расслабляющее тело исчезло и внутренний мир, укальываясь об иглы, исподволь начал скатывание в сегодня ставшее привычным измученное состояние. – Можно вывести объемную проекцию видимых звезд. Здесь стоит иллюзор. Это же что-то вроде планетария! – вдруг опомнившись и в глазах загоревшись, затараторила она.

– Нет не надо. Пускай они останутся настоящими, – снова погружался в муку зарождающейся любви, холод, закутывался в плащ Роин.

– Когда я смотрю на них, меня всегда терзают полярные чувства. Я реально не знаю, что в них видеть. Я, то вижу огромный бесконечный мир дарующий надежду на лучшие места, то холодную мрачную пустоту, где все одинаково и выхода нет.

– О чем ты мечтаешь? – уже трезвый в сознании спрашивал он.

– Прикалываешься? Ага, так я тебе и сказала!

– Мне просто интересно, о чем мечтают будущие правители, вершители судеб? Мечтают ли вообще? – не отрываясь от горящего звездами потолка, говорил он.

– От прямых правителей конечно многое зависит, но они далеко не вершители судеб... Мечтаю я о многом. Ведь моя реальная жизнь скучна и однообразна. Быть нормальной, обычной свободной, такой как все, это, разумеется, главная мечта...

– Наверное, как и у всех тебе подобных...

– Есть у меня одна настоящая мечта, глупая, которой можно поделиться. Это Остров, – стеснительно заерзавшая не отрывалась она от звезд. – Я понимаю, что это глупо, но мечтаю об острове – тихом маленьком живописном месте, со всех сторон окруженном водой, где мы могли бы жить в спокойствии без войн и внешних угроз, – опустив глаза, приятно погрузилась она в свои фантазии. – Мой отец смеется надо мной, говорит, что все это мои детские глупости. Потому как мы не можем так просто уйти, от нас здесь теперь слишком многое зависит. К тому же опыт первых артэонов ясно показал, что бегство это тупик. Он говорит, что лишь, когда я займу его место я его пойму. Пойму что Остров невозможен, – грустно поджав губы, подняла она глаза на глубину вселенной, которую в себе сосредоточил здешний потолок.

– А я как раз получается, из подобия такого острова сбежал, – тоже омрачился он.

– Не говори ерунды. Жизнь в Стране Волка полна насилия, грубости, жути, это совсем не тот остров, о котором я мечтаю. В действительности ты молодец, что нашел в себе силы сделать тяжелый шаг. Молодец что сбежал, – похвалила она, глядя в глаза, посмотревшие с волнующим вопросом.

– Спасибо, – обретший успокоение отблагодарил он ее за слова, мягко говоря, необходимые, спасительные.

– Ну ладно, хватит сидеть здесь. Вставай, бери Шатуна и веди домой, поужинай, прими душ, расслабься. Завтрашний день принесет облегчение, вот увидишь, – прощепетала она, встав, подав ему руку, подняв с холодной скамьи.

Наутро он с Шатуном вышел на улицу решив встретить друзей у поворота во двор. После восьми часов из спусков метро стали растекаться неспешные потоки возвращающихся со смены утомленных гражданских горожан. И вот в раскидисто текущей по улице толпе он увидел колоритную компанию заставившую сердце замереть, вокруг которой уже крутился огромный Шатун, размахивая хвостом. Устами выдвинувшейся на первый план Алексы естественно похваленный, названный «хорошим мальчиком» за то, что вышел встретить (в отличие от Джейсона, со своего отдыха вернувшегося посреди ночи, сейчас крепко спящего). Внезапно для себя он получил общество этой прекрасной блондинки после легкого поцелуя в губы сбоку прильнувшей, обнявшей его внезапно съезженного за руку. Идущие в обнимку Кристина Хьюго и желанная Фиалка, голосом шагающей посередине мрачно облаченной красавицы произнесла «привет» скрашенное теплой улыбкой остановились на дистанции в пару метров. Своим приближением остудившая сердце Роя, разлившее по венам ледяную кровь, Селина наполовину спрятавшаяся за плечом старшей мрачной подруги лишь поддержала ею озвученное приветствие улыбкой в отличие от Хьюго дополненной ноткой неловкости. Роин погружившийся в разочарование успел лишь бросить вопрошающий секундный взгляд на объект желания, вслед за которым глаза уронив начать тяжелый вдох, как подошедшие следом обе матери Селины, также двигающиеся в притомленном расплывшемся по улице потоке, вслед за приветствием потянули домой всю эту остановившуюся на проходе компанию. Селина прижимаясь к Кристине, следовала за спиной Роя красавицей Алексой и мамой Летицией окруженного, ими ведомого в подъезд, отвечающего замершей на губах улыбкой на все бессмысленные смешливые их реплики сыплющиеся по пути. Утративший всякое понимание происходящего, с трудом дыша из-за взбесившегося сердца, больше всего желал он обернуться и взглянуть на нее,

но придерживаясь пределов адекватности, вел себя соответственно условиям ситуации складываемой вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.